



МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

На тему: Вербализация концепта «историческая память» в российском
медиапространстве

Исполнитель Мередов Ходжамурат Сердарович

Руководитель кандидат педагогических наук

Ротмистрова Ольга Валерьевна

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой 

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

Кипнес Людмила Владимировна

«14» декабря 2021 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2021

Содержание

Введение	3
Глава I. Теоретические аспекты изучения концептов в медиапространстве.....	8
1.1. Понятие и характеристика медиапространства.....	8
1.2. Лингвистические направления в исследовании медиапространства.....	19
1.3. Концепты как значимые фрагменты медиапространства.....	21
1.3.1. Понятие и структура концепта.....	21
1.3.2. Особенности репрезентации концептов в системе медиапространства.....	31
Выводы по главе I.....	40
Глава II. Вербальные средства концепта «историческая память» в российском медиапространстве.....	43
2.1. Структура и содержание концепта «историческая память» в русской языковой картине мира.....	43
2.2. Особенности концептуализации феномена «историческая память» в российском медиапространстве.....	50
2.3. Средства вербализации концепта «историческая память» в медиапространстве.....	63
Выводы по главе II.....	70
Заключение.....	75
Список использованной литературы.....	80
Приложение.....	95

Введение

Выпускная квалификационная работа посвящена выявлению и исследованию средств вербализации концепта «историческая память» в медиапространстве.

Историческая память – неотъемлемый аспект в формировании ценностных ориентиров личности, особенностей морально-этического и философского понимания мира, основой формирования мировоззрения. Проблема памяти вообще и исторической в частности привлекала и продолжает привлекать к себе пристальное внимание представителей разных наук – философии, психологии, истории, социологии, культурологии, литературоведения, лингвистики. В аспекте исследования семантики исторической памяти, её концептуализации в русской языковой картине мира посвящены работы Н.Г. Брагиной, Б.М. Гаспарова, И.Г. Добродомова, Т.М. Николаевой, О.Г. Ревзиной, Е.С. Яковлевой, Л.И. Ярцевой и др. По общему мнению исследователей, данный феномен, несомненно, концептуально значим для национальной картины мира.

В условиях глобализации, отягченных искажёнными интерпретациями значимых исторических событий, в частности, событий, связанных с Великой Отечественной войной и Второй мировой войной, произошла глубокая трансформация системы ценностных кодов в кросс-культурном масштабе. Сущность данной трансформации заключается в том, что эти ценностные коды, десятилетиями накапливающие и обеспечивающие социальную преемственность в историко-культурном развитии народов, постепенно стали терять свою определяющую роль в сохранении исторической памяти о названных периодах военной истории. Противниками реалий Великой Отечественной войны и Второй мировой войны был инициирован процесс конструирования новой «реальности», сознательно обесценивающей хранимые исторической памятью ценностные коды общекультурного масштаба. В связи с этим возросла необходимость защиты

исторической памяти в мировом масштабе. Медиапространство оказалось важным информационным полем в этом противоборстве, и феномен исторической памяти получил в данном пространстве концептуальную модель интерпретации.

Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена тенденцией и способностью медиапространства ретранслировать значимые фрагменты национальной картины мира и концептуализированным характером объективации феномена «историческая память» в контексте данного пространства.

Объектом изучения в данной работе является концепт «историческая память».

Предмет исследования – языковые средства, отражающие признаки концепта «историческая память» в медиапространстве.

Цель – выявить и описать языковые средства, отражающие признаки концепта «историческая память» в медиапространстве.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- рассмотреть понятие и основные характеристики медиапространства;
- изучить лингвистические направления в исследовании медиапространства;
- рассмотреть концепты как значимые фрагменты медиапространства и в рамках данного вопроса изучить понятие и структуру концепта и особенности репрезентации концептов в системе медиапространства;
- проанализировать структуру и содержание концепта «историческая память» в русской языковой картине мира;

- выявить особенности концептуализации феномена «историческая память» в российском медиапространстве;
- выявить и проанализировать средства вербализации концепта «историческая память» в российском медиапространстве.

Новизна работы состоит в выявлении и описании концепта «историческая память» в медиапространстве.

В работе использовались следующие **методы** исследования: индуктивно-дедуктивный метод (наблюдение, анализ, обобщение материала), описательно-аналитический метод, методы компонентного и дистрибутивного анализа, лексикографический анализ, географический анализ текстов, прием сплошной выборки материала из лексикографических источников, прием частичной направленной выборки материала из Национального корпуса русского языка, прием статистического анализа.

Материал исследования составили:

- 1) работы Н.Г. Брагиной, Б.М. Гаспарова, И.Г. Добродомова, Т.М. Николаевой, О.Г. Ревзиной, Е.С. Яковлевой, Л.И. Ярцевой и др., посвященные исследованию и описанию языковой памяти, ее семантики и концептуализации;
- 2) теоретические разработки в области проблем исторического сознания и исторической культуры, исторической памяти, а также общей психологии памяти, представленные в публикациях зарубежных и отечественных историков, философов, психологов, среди которых: Т. Адорно, Ф. Артог, Я. Ассман, Ю.Е. Арнаутова, А. Бергсон, М.А. Барг, А.В. Буганов, П.А. Заклинский, И.Е. Кознова, Р.Дж. Коллингвуд, А.Н. Леонтьев, Н.Н. Моисеев, П. В.С. Полянский, А.В. Полетаев, С.Л. Рубинштейн, Л.П. Репина, А.И. Ракитов, А.М. Руткевич, И.М. Савельева, П.Ю. Уваров, Л. Февр, М.

Ферретти, М. Ферро, Ф. Фюре, М. Фуко, А. Функенштейн, А.Ф. Филиппов, Л.П. Швец и др.;

- 3) данные лексикографических источников и энциклопедий, материалы Национального корпуса русского языка, ресурсы медиaprостранства.

Теоретическая значимость заключается в том, что данное исследование даёт материал для дальнейших теоретических обобщений, акцентирующих внимание на феномене «историческая память» как концептуально значимом фрагмента русской языковой картины мира.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы при разработке лекций и практических занятий по дисциплинам, единицами изучения которых являются концепты, образы и другие значимые фрагменты национальной картины мира.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во введении обосновывается актуальность, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования.

В первой главе, посвящённой теоретическим аспектам изучения концепта в медиaprостранстве, рассматриваются понятие и основные характеристики медиaprостранства; анализируются лингвистические направления в исследовании медиaprостранства; рассматриваются концепты как значимые фрагменты медиaprостранства, понятие и структура концепта и особенности репрезентации концептов в системе медиaprостранства.

Во второй главе, посвящённой описанию вербальных средств концепта «историческая память» в медиaprостранстве, определяются структура и содержание концепта «историческая память» в русской языковой картине

мира, анализируется структура и содержание концепта «историческая память» в русской языковой картине мира; описываются особенности концептуализации феномена «историческая память» в российском медиапространстве; приводятся результаты анализа средств вербализации концепта «историческая память» в российском медиапространстве.

В заключении приводятся выводы, сделанные в рамках исследования.

Глава I. Теоретические аспекты изучения концептов в медиапространстве

1.1. Понятие и характеристика медиапространства

Появлению термина «медиапространство» предшествовали изменения, связанные со средствами, потоками и содержанием получаемой человеком информации. Именно информация стала отправной точкой для появления множества терминов, так или иначе вписывающихся в проблемное поле медиапространства в сегодняшнем его понимании.

Информация, получаемая нами сегодня, существенно влияет на изменения, происходящие в мироустройстве. В настоящее время исследователи ищут новые способы описания трансформирующейся действительности окружающего мира, используя для этого новые формулировки и термины. Так, М. Кастельс замечает, что в «информационную» эпоху «местности лишаются своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в сети или образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест» [34, с. 353]. В описании Я.Н. Засурского происходящие процессы также «открывают новые горизонты для распространения информации» и существенно изменяют «коммуникационный пейзаж» [24, с. 53]. Автор философской концепции «информационной цивилизации» Р.Ф. Абдеев называет информацию материей, круговорот которой приводит к «новому мировому порядку», и порядок этот отражён в информационной картине мира [1].

Обозначенные процессы неизбежно связаны с переосмыслением таких фундаментальных понятий как пространство и время, в том числе в сфере массмедиа. Это служит объяснением того, почему в 90-х годах 20 века в широкий оборот вошло понятие «информационное пространство», а через десять лет – «медиапространство». И если первое понятие относительно

отрефлексовано в научном плане, то второе исследователи пока считают результатом «терминологической стихийности». Это подтверждается тем фактом, что на запрос «медиапространство» любая поисковая Интернет-система, несмотря на множество выдаваемых ссылок, не показывает ни одного специализированного словарного издания, в котором было бы зафиксировано в качестве отдельной дефиниции понятие «медиапространство» [25]. По умолчанию, в широком, неформальном значении под медиапространством понимается все поле возможности использования потоков информации (значимые для большинства людей газеты, радиостанции, телевизионные каналы) [26, с. 6].

По материалам сделанного исследователями обзора контекстного употребления понятия «медиапространство» было выявлено, что, *во-первых*, понятие «медиапространство» является объектом междисциплинарного интереса, что закономерно и вполне объяснимо: с одной стороны, современное медиапространство подвергается комплексной «диагностике» в кругу журналистов, социологов, культурологов, политиков, педагогов, психологов, медиков, экономистов и др.; с другой стороны, само «медиапространство традиционно исследует и пропускает через себя все институциональные формы общества – экономику, политику, право, мировоззренческую сферу: философию, науку, религию, искусство» [57].

Во-вторых, в большинстве случаев о медиапространстве говорится как о чем-то само собой разумеющемся, что не нуждается в толковании. Проблему наглядно иллюстрируют тезисы докладов и сообщений участников Второго Российского культурологического конгресса «Культурное многообразие: от прошлого к будущему» (Санкт-Петербург, 2008) [15]. Так, почти треть участников секции «Медиакультура и экранные искусства в глобализирующемся мире» в названии своих выступлений обратились к понятию «медиапространство», но ни одна работа (в опубликованном виде) не содержит определения, структуры, какой-либо иной характеристики медиапространства.

В-третьих, наряду с понятием «медиапространство» встречается множество других его обозначений, использующихся в качестве синонимичных или близких по значению. В этом ряду стоят «медиафера», «информационно-коммуникативное пространство», «массмедийное пространство», «медиасреда», «медиасистема», «поле массмедиа» («медиаполе»). Отдельные работы рассматривают телекоммуникационное пространство, поп-медийное пространство, образовательное медиапространство, а также многочисленные варианты обозначения медиапространства по территориальному охвату: глобальное (мировое), региональное, медиапространство СНГ (страны, города), медиапространство университета (школы), единое медиапространство, и т.д. Об отсутствии строгой практики употребления понятия говорит и его различное написание: «медиапространство», «медиа-пространство», «медиа пространство».

В рамках отдельных научных направлений встречаются единичные попытки осмыслить сущность и природу медиапространства. Несмотря на то, что исследовательские подходы в этом направлении различны, они всё же подтверждают, что «медиапространство – при допущении переноса на него свойств «журналистского поля» в понимании П. Бурдьё – обладает высоким уровнем гетерономии и считается «слабой автономией» [57]. По этой причине, вслед за французским социологом, предложившим изучать взаимодействие полей, наиболее перспективным нам видится подход к анализу медиапространства в сопоставлении его с другими видами «пространств». Представляется целесообразным воспользоваться опытом рассмотрения «медиапространства» в соотнесении его с базовым понятием «информационное пространство». Так, Хлопаева Н.А. считает медиапространство частью информационного пространства на основе того, что сборщиками, обработчиками, производителями, распространителями, интерпретаторами информации в медиапространстве являются печатные и электронные СМИ, служащие источником социальной информации – центральной категории информационного пространства [108; 109]. Согласно

мнению Н. Пономарева, под информационным пространством может пониматься множество всех сообщений, которые транслируют социальные субъекты, используя технологии и средства массовой коммуникации (размещение рекламы, прокат кинофильмов, театральные постановки, мероприятия шоу-бизнеса, публикации в СМИ), где последние – множество сообщений СМИ – составляют медиaprостранство как область всего информационного пространства [64].

Опираясь на разработки И. Дзялошинского [19; 20; 21], который рассматривает информационное пространство в трех смыслопорождающих моментах: как «информатизированное» физическое пространство, как символическое пространство знаков и как сферу особых информационных отношений между людьми – можно выделить контуры основных подходов к пониманию медиaprостранства.

Взгляд на медиaprостранство как часть «информатизированного» физического пространства позволяет наделить его «территориальными» признаками, благодаря которым оно, так же как информационное пространство, может быть рассмотрено через понятия некой виртуальной территории, специфического ресурса, которые принадлежат государству. В данном случае, как замечает И. Дзялошинский, у любого пространства есть два главных признака: быть вместилищем чего-то и иметь границы [109]. Таким образом часто задается геополитическое понимание информационного, а значит, и медиа- «пространства-территории», где располагаются информационные ресурсы, источники информации, технологические системы сбора, обработки, распространения информации, а также пользователи информационных ресурсов, попадающие под юрисдикцию действующего на данной территории законодательства.

Геополитический подход предполагает, что процессы, происходящие в медиaprостранстве (т.е. на определенной территории) могут быть описаны в терминах освоения, завоевания, колонизации. В подобных работах [18] внимание, как правило, сосредоточено вокруг проблем доступа к медиа-

ресурсам, их роли в экономическом и политическом развитии территориальных общностей.

Понимание медиапространства как части символического пространства знаков приводит к определению его как гипертекстовой структуры. Подобно тому как информационное пространство с точки зрения своего содержания выступает вместилищем разнообразных образов, концептов, текстов, которые связаны друг с другом возможными переходами, медиапространство так же включает в себе знаковые «информационные единицы»: знания, убеждения, верования, ценностные представления. Такое понимание медиапространства складывается при культурологическом подходе к его изучению. Анализу могут быть подвергнуты стили, жанры, формы репрезентации «информационных единиц»; коммуникативные намерения и технологии их реализации [61, с. 52].

И наконец, возможность рассмотреть медиапространство в сфере особых информационных отношений между людьми приводит к необходимости осмыслить характер взаимоотношений индивидов и групп в процессе сбора, производства, распространения и потребления информации. Понимание информационного пространства как сферы отношений между людьми и общностями по поводу информации с легкостью проецируется на сферу деятельности массмедиа. Медиапространство в такой интерпретации предлагается рассматривать с позиций социологического подхода [61]. В рамках социологии культуры, социологии массовой коммуникации, социологии связей с общественностью могут быть изучены социальноструктурные аспекты медиапространства: институциональные формы СМИ, типология коммуникаторов, социальная дифференциация аудитории, формы отношений между различными типами коммуникаторов и реципиентов, социальные функции СМИ. По мнению исследователей, в условиях глобализации, когда понятия территории и границ становятся условностью, первый из обозначенных подходов не представляется перспективным.

Остановимся подробнее на втором и третьем подходах.

Понимание медиапространства как особой символической сферы культуры видится наиболее разработанным. Именно в этом аспекте о нем говорят А. Аппадурои и М. Уотерс, одни из первых обратившиеся к интересующему нас феномену. Аппадурои выделяет медиапространство (mediaspace) в один из пяти культурно-символических пространств-потоков (landscapes), которое образуется потоком образов в глобальном культурном потоке [57].

Медиапространство получает характеристики текучего, нестабильного пространства, являющегося «строительными блоками» тех «воображаемых миров», в которых взаимодействуют люди. Впоследствии Уотерс видоизменяет классификацию пространств-потоков Аппадурои и совмещает ее с концепцией симулякров Ж. Бодрийяра. Таким образом, медиапространство в теории Уотерса – это одно из «измерений» культуры, образуемое потоком симулякров информации.

Взаимодействие сферы массмедиа и культурного пространства, получающее особую актуальность в эпоху глобализации, приводит к появлению новых типов культуры, которые становятся предметом серьезных дискуссий и междисциплинарных исследований. Согласно Н.Б. Кирилловой здесь вырисовывается поле таких проблем как «сохранение национальной идентичности в коммуникативном пространстве», «диалог культур» и «культурный плюрализм», «интерпретация культурного наследия», «риски и альтернативы будущего культуры», «возможность существования единой мировой культуры», «формирование современной модели культурной политики России» и т.д. [36, с. 58].

С.И. Кулибаба рассматривает медиапространство в аспекте взаимодействия национальных культур [44]. Центральным в его работе становится выявление роли медиапространства как канала трансляции духовных ценностей на уровне мирового сообщества. Автор выделяет адаптирующую, социализирующую и социально-интегрирующую функции

медиапространства в культуре. На основании предположения, что все содержательные тексты, которые включены в потоки медиапространства, имеют под собой определенные идеи – смыслы, С.И. Кулибаба предлагает понимать медиапространство как хаотичную систему духовно-ценностной информации, предлагающую в соответствии с различными интересами и потребностями пользователей необходимую духовно-познавательную среду, которую преподносит отечественное телевидение. Учёный приходит к выводу, что «медиапространство не просто описывает реальность, но пропагандирует способы интерпретации и разрешения социальных проблем [44].

Подобная интерпретация медиапространства представлена в работах Л.Б. Зубановой, которая под медиапространством понимает ценностное пространство современных средств массовой информации: «арену» ценностного взаимодействия участников коммуникации и «трибуну» трансляции значимых ориентиров общественного развития. В частности, Л.Б. Зубанова отмечает: «Мы имеем дело с особой организацией пространства, связанной с символическими формами – широкой совокупностью текстов и образов, которые создаются и узнаются субъектами в качестве смысловых конструкций, образующих культурный порядок через модели объяснения реальности» [26, с. 6].

Процессы ценностных трансформаций в сфере массмедиа показывает на примере метафорически обозначенных моделей (модели «Симуляция» и «Камуфляж») медиапространства О.Н. Астафьева [3; 4]. Так, модель медиапространства «Симуляция» ставит вопрос «Симуляция чего?», ответ на который, по мнению автора, вполне очевидный: медиареальность может быть представлена как симуляция свободы и демократии, культурных инициатив, политических альтернатив, социальных возможностей и т.д. Модель «Камуфляж» ставит вопрос «Под что?», т. е. ориентирует на поиск аналогов. В данном случае ответов может быть множество: под религиозный плюрализм, наращивание духовного и культурного потенциала общества и

др. Иными словами, в контексте второй модели речь идёт о создании условий для творческой самореализации и саморазвития человека, в котором СМИ играют далеко не последнюю роль. Комментируя суть данных моделей, О.В. Монастырёва отмечает, что «в медиапространственных моделях симуляции и камуфляжа на первый план выходят информационная и развлекательная функции, в то время как поддержание модели культуроцентризма предполагает усиление информационной и просветительской функций, открытое диалоговое пространство взаимодействий субъектов на принципах демократии – прав, свобод и ответственности [57].

Следующий подход к пониманию медиапространства – социальный, т.е. медиапространство рассматривается как социальная сфера отношений. Обобщённо суть данного подхода представлена в работах Е.Н. Юдиной [108; 109]. Так, рассматривая феномен медиапространства в контексте социологической традиции изучения социального пространства, Е.Н. Юдина трактует медиапространство как часть социального пространства, посредством которого оно репрезентирует самого себя. Медиапространство организует социальные практики и представления агентов, которые включены в систему производства и потребления массовой информации. Таким образом, медиапространство – это результат взаимодействия производителей и потребителей массовой информации, СМК и аудитории. [108]. Целостность этих отношений порождает сложную конфигурацию открытой социальной системы, в которую включены многочисленные разнородные объекты. Социальные институты, социальные организации, группы и отдельные личности, имеющие отношение к производству и потреблению информации, органично входят в это пространство.

Кроме того, в качестве важного признака медиапространства в своей концепции Е.Н. Юдина выделяет появление нового качества, которое изначально не принадлежит элементам системы и возникновение которого обусловлено взаимоотношениями акторов и объяснено так: события окружающего мира, которые отбираются и тиражируются массмедиа,

становятся товаром, который, в свою очередь, предназначен для обмена или продажи. Безусловно, производство массовой информации предполагает потребление произведенного товара. При этом суть информационного потребления состоит в воспроизводстве человека социального, в углублении и развитии отношений индивида с обществом, его интеграции в социальное пространство. Е.Н. Юдина приходит к выводу о том, что «новое качество, воспроизводимое медиaprостранством, – это социализированная личность, интегрированная в социальное пространство», и такая идея перекликается с изложенной выше концепцией о культурцентристской модели медиaprостранства [109], где во главу угла ставится «необходимость самореализации и саморазвития человека посредством СМИ» [57].

В целом, несмотря на разницу трактовок понятия «медиaprостранство», в подавляющем большинстве точек зрения указывается на возможность его интегрального осмысления. Это позволило исследователям выделить следующие общие характеристики медиaprостранства, передающие его суть: 1) ядром медиaprостранства признаются средства массовой коммуникации (в частности СМИ); 2) в свою очередь СМИ (а значит медиaprостранство) являются активным актором формирования других видов пространств: социального, культурного, образовательного, религиозного и т.д.; 3) изменения в медиaprостранстве непосредственно связаны с трансформационными процессами в обществе, и поскольку медиaprостранство отражает ведущие тенденции развития общества, то это позволяет изучить его развитие в контексте происходящих преобразований; 4) медиaprостранство формирует картину мира, находящуюся за пределами чувственного опыта индивида. Медиaprостранство – это не просто отражение реальности, это социально конструируемое понимание мира; 5) медиaprостранство представляет собой сложную систему, обладающую определенным набором структурных элементов, которые взаимосвязаны и подчиняются общим закономерностям развития целого.

Приведенная трактовка с учётом роли «медиа», позволяет рассмотреть медиапространство в двух аспектах. Согласно определению родственных терминов ключевого понятия – медиа (mediale – середина, medianus – находящийся посреди, mediator – посредник) – о медиапространстве можно говорить в аспектах «среднего положения» и «опосредованности» [58, с. 17]. Первый ракурс задается взглядом на промежуточное положение медиапространства в коммуникационной цепочке отправитель-канал-получатель сообщения. Второй – позволяет рассматривать медиапространство в качестве некоторого посредника, организующего представления о мире в самых разных его проявлениях. Оба аспекта дополняют и усиливают диалогическое понимание медиапространства. С одной стороны, через медиапространство происходит диалог его участников, с другой – они оказываются вовлечены в сложный процесс диалога с публичной сферой, в которой действительность преломляется через «катализаторы» коммуникации.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что сегодня средства массовой коммуникации служат не только средством передачи информации, но и механизмом формирования особой реальности, формирующей картину мира за пределами чувственного опыта индивида. Как раз тот феномен, который возникает в результате взаимодействия средств массовой коммуникации и аудитории, определяется как «медиапространство». А оно в современном мире занимает одно из главных мест в жизни современного общества, поскольку каждый из нас так или иначе связан со средствами массовой информации.

Обобщая рассмотренные выше точки зрения на трактовку понятия «медиапространство» и на определение основных характеристик данного феномена, можно сделать следующие выводы:

1. Медиапространство может рассматриваться в узком и широком понимании. В узком смысле медиапространство понимается

рассматривается как множество связей и взаимодействий, а также разрывов и противодействий между агентами поля журналистики. В широком же смысле медиапространство выступает в качестве формы существования символов, и именно восприятие взаимного расположения символов, прежде всего в иерархическом разрезе, требует существования ментального субстрата, в рамках которого эта дифференциация и интеграция реализуется.

2. Медиапространство является одним из символических пространств. Оно имеет три формы репрезентации: физическое пространство, пространство социальных отношений и символическое пространство. В нем можно учёные выделяют следующие структурные элементы: а) масс-медиа, которые составляют материальную, физическую основу производства и передачи массовой информации; б) социальные отношения агентов медиапространства, связанные с производством и потреблением массовой информации; в) информационный символический продукт, в форме которого распространяется массовая информация.
3. Сущность медиапространства заключается в следующих его характеристиках:
 - 1) ядром медиапространства признаются средства массовой коммуникации (в частности, СМИ);
 - 2) СМИ (а значит медиапространство) являются активным актором формирования других видов пространств: социального, культурного, образовательного, религиозного и т. д.;
 - 3) изменения в медиапространстве непосредственно связаны с трансформационными процессами в обществе, и поскольку медиапространство отражает ведущие тенденции развития общества, то это позволяет изучить его развитие в контексте происходящих преобразований;

4) медиaprостранство формирует картину мира, находящуюся за пределами чувственного опыта индивида, оно – не просто отражение реальности, это социально конструируемое понимание мира;

5) медиaprостранство представляет собой сложную систему, обладающую определенным набором структурных элементов, которые взаимосвязаны и подчиняются общим закономерностям развития целого, и поскольку медиaprостранство является ретранслятором особенностей национальной картины мира, в нем объективируются значимые её фрагменты, в том числе и ключевые концепты.

1.2. Лингвистические направления в исследовании медиaprостранства

Важнейшей реалией XXI в. стала медиасфера (сфера деятельности массмедиа), которая рассматривается как «новая сфера общественной жизни и полноценная часть общественной системы» [11, с. 200]. При этом «процесс публично-информационного опосредования (медиатизации) из вторичного социального процесса для аудитории превращается в один из главных, первичных (“в реальности нет того, чего нет в СМИ, в Интернете”)), «проявление процесса медиатизации» уже наблюдается и «в сферах, традиционно достаточно независимых от СМИ» [12, с. 9]. Необходимость научного осмысления такого многогранного явления вызвала к жизни новое направление научной мысли – медиаисследования, в рамках которого выделяются и лингвистические дисциплины – медиалингвистика, медиастилистика [37].

Медиaprостранство изучается с позиций эколлингвистики и лингвоэкологии, в которых язык рассматривается как живая (уязвимая) систему [23, с. 9].

Изучение языка масс-медиа стало основной задачей отдельной дисциплины – медиалингвистики.

Одной из проблем лингвистического характера стало отражение в медиатексте концептов. Актуальность данного вопроса обусловлена тем, что «по силе влияния на общество, на формирование языковых вкусов, языкового поведения, литературных норм язык СМИ не сравним ни с языком художественной литературы, ни с любым другим стилем [5, с. 143; 6; 7; 8]. Он претендует на роль общего, усредненного языка нации» [90; 91, с. 32]. Поскольку «суть коммуникации состоит в построении в когнитивной системе реципиента концептуальных конструкций, “моделей мира”, которые определенным образом соотносятся с “моделями мира” говорящего, но не обязательно повторяют их» [110, с. 7], язык СМИ выступает как средство внедрения в когнитивную систему получателей информации некоторой системы концептов [6] (и, следовательно, некоторой системы ценностей). Возможность использования при передаче информации в СМИ не только вербальной, но и акустической, оптической знаковых систем усиливает воздействие медиатекста настолько, что предложенную в нем интерпретацию действительности человек воспринимает как реальность, «реальность массмедиа» [54].

Таким образом, лингвистические исследования медиапространства обусловили как появление отдельной дисциплины – медиалингвистики, так и актуализировали его изучение в разных аспектах данных исследований, среди которых выделяются лингвокультурологический и когнитивный аспекты, позиционирующие как значительную единицу исследования концепты. Медиапространство не стало исключением.

1.3. Концепты как значимые фрагменты медиапространства

1.3.1. Понятие и структура концепта

Существует несколько подходов к определению понятия «концепт». Структурно концепт является чрезвычайно сложным и ёмким [13; 35; 51; 53; 55; 63; 65; 66; 67; 68; 71; 93; 95; 106].

В современной лингвистике наблюдается тенденция изучения языка как продуктивного способа интерпретации человеческой культуры. Это объясняется тем, что язык есть ключ к системе человеческой мысли, к природе человеческой психики, он служит для характеристики нации. По мнению Л. Елмслева, язык «может открыть дорогу, как к пониманию стиля личности, так и к событиям жизни прошедших поколений». [55] Его ‘призывы’ к исследованию культуры были услышаны отечественными культурантропологами. Анализ работ российских ученых за последние 10-15 лет позволяет заметить в современной отечественной лингвистике всё более отчётливо выраженную тенденцию к интенсивному формированию нового направления – культурологической лингвистики (лингвокультурологии).

В задачи лингвокультурологии входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета [55, с. 28; 67], она создана, по прогнозу Эмиля Бенвениста, «на основе триады – язык, культура, человеческая личность» и представляет лингвокультуру как «линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса». [55] Основу категориального аппарата лингвокультурологии составляют понятия языковой личности и концепта, гносеологическое становление которых, еще не закончено.

Концепт является стержневым термином понятийного аппарата культурологической лингвистики. Его фундаментальное, многоаспектное изучение предполагает обязательное обращение учёных к анализу самых

разных уровней или ярусов языка посредством применения различных исследовательских методик. Приоритетным признаётся лексико-фразеологический уровень языка, на котором наиболее очевидно фиксируются в знаковой форме факты материальной и, соответственно, духовной культуры человека, в целом отражаются ценностные ориентации того или иного социума, система его моральных, этических и эстетических предпочтений, иллюстрирующая особенности менталитета конкретного лингвокультурного сообщества.

Рассмотрим обоснование употребления термина «концепт», его отличие от термина «понятие», структуру и составляющие «концепта», критерии, необходимые для вычленения концепта из текста, и различные классификации концепта.

Прежде всего, остановимся на истории развития термина «концепт» в отечественной науке. Как это ни странно, но «концепт» был заимствован лингвистами из математической логики. Его применение как термина в нашем языковедении начинается с 1928 г. с выхода в свет статьи С.А. Аскольдова «Слово и концепт», опубликованной в журнале «Русская речь». Однако в силу различных объективных и субъективных причин, одной из которых, была государственная идеология Советского Союза, «концепт» на длительное время исчезает из отечественного лингвистического лексикона. Можно также предположить, что данный иноязычный термин не смог конкурировать с устоявшимся традиционным, более привычным для научной общественности термином русского языка «понятие», на различии между которыми мы остановимся подробнее далее.

Лишь спустя несколько десятилетий, в нашей стране данным термином начинают оперировать когнитивисты, некоторые из которых работают в парадигме философии языка (например, Павиленис и М.А. Холодная). В их работах приоритетным является изучение базисных подсистем человеческого знания. Вербальные знаки, фиксирующие элементы понятийных систем, как

правило, при этом когнитивистами не акцентируются. Это, к сожалению, не способствует глубокому анализу и пониманию сущности языковых концептов, которые переживают этапы своего становления в конкретных исторических условиях, в определенном культурном контексте.

Термин «концепт» переживает эпоху «лингвистического ренессанса» с начала 90-х годов 20-го столетия в первую очередь благодаря научным трудам Д.С.Лихачева [51] и Ю.С. Степанова [93], реанимировавших его и давших ему свою обстоятельную интерпретацию.

Активное употребление данного термина в когнитивной лингвистике, в парадигме лингвистического концептуализма и в лингвокультурологии объясняется необходимостью введения в их категориальный аппарат недостающего когнитивного «звена», в содержание которого помимо понятия входят ассоциативные образные оценки и представления о нем его продуцентов и пользователей.

Прежде чем мы перейдем к описанию концепта как сложного когнитивного лингвосоциального конструкта, следует вкратце обосновать необходимость употребления данного иноязычного термина в русском языкознании. Он родствен русскому слову «понятие». Имя существительное “conceptus” происходит от латинского глагола “concipere” – «зачинать», т.е. буквально значит «поятие, зачатие»; его русский эквивалент «понятие» образовано также от глагола «пояти», имевшего в древнерусском языке значения «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены». Легко заметить, что оба глагола этимологически родственны, выражают общую идею приобретения, однако не являются абсолютными синонимами. Вслед за Ю.С. Степановым мы считаем концепт более объемным мыслительным конструктом человеческого сознания по сравнению с понятием. По выражению Степанова, концепт есть «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека». [93, с. 40-43]

Концепт как ментальное образование высокой степени абстрактности связан преимущественно именно со словом. Из этого следует, что он включает в себя помимо предметной отнесенности всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего, это указания на место, занимаемое этим знаком в лексической системе языка: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи – то, что Ф.Соссюр называет «значимостью» и что, в конечном итоге, отражает «лингвистическую ценность внеязыкового объекта». [106]. В семантический состав концепта входит также вся прагматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что вполне согласуется с «переживаемостью» [93, с. 41] и «интенсивностью» [106; 95] духовных ценностей, к которым он отправляет.

Еще одним высоковероятным компонентом семантики языкового концепта является когнитивная память слова: смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка [95]. Однако концептологически наиболее существенным здесь оказывается так называемый культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий 'языковую картину мира' его носителей.

Концепт, согласно научным дефинициям С.А. Аскольдова, Е.С. Кубряковой, С.Х. Ляпина, О.П. Скидан – это «многомерный мыслительный конструкт, отражающий процесс познания мира, результаты человеческой деятельности, его опыт и знания о мире, хранящий информацию о нем.» [55] М.А. Холодная трактует концепт как «познавательную психическую структуру, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов». По мнению Р. Павиленса, концепты - это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» [55; 106].

Концепт, как и понятие, - единица когнитивного порядка. Архитектоника концепта как структурно-смыслового образования сложнее архитектоники понятия.

Безусловно, концепт – это «многомерное идеализированное формообразование» [106], однако единства мнений относительно числа семантических параметров, по которым может вестись его изучение, у концептологов нет. Например, С.Х. Ляпин, Ю.С. Степанов и В.И. Карасик говорят о том, что в эти параметры включаются как понятийное, так и образное, ценностное, поведенческое, этимологическое и культурное 'измерения', из которых почти каждое может иметь приоритетный статус в исследовании [31; 32; 33; 93]

Следующую структуру предлагает С.Г. Воркачев. Он выделяет в составе лингвокультурного концепта три составляющие: понятийную, отражающую его признаковую и дефиниционную структуру, образную, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостную, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также его этимологические и ассоциативные характеристики [55].

Согласно В.И. Карасик, концепт состоит из трех компонентов – понятийного, образного и ценностного [32]. По образному замечанию С.Х. Ляпина, «в глубине концепта мерцает понятие» [106].

Концепт в отличие от понятия не только мыслится, но и переживается. Из этого следует, что его объем шире объема понятия. Концепт включает в себя само понятие, являющееся в свою очередь его обязательным ядерным компонентом.

Методологически важными мы считаем рассуждения о структуре концепта Ю.С. Степанова. Концепт, по его мнению, включает в себя такие

компоненты, как «1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже не актуальными, а историческими; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней словесной форме» [93, с. 40-43]. Первый компонент – основной, актуальный признак концепта – значим, «известен» всем носителям того или иного языка, той или иной культуры. Выраженный вербально, он средство коммуникации представителей определенной этнической общности, нации, народа, народности. В отличие от него второй компонент – дополнительный, пассивный признак концепта – обнаруживает свою актуальность далеко не для всего этноса; он доступен для представителей определенной социальной группы, для конкретного микросоциума.. И, наконец, третий компонент – этимологический признак или внутренняя форма – является наименее актуальным для языко- и концептоносителей любой культуры, поскольку историей жизни слова занимаются преимущественно специалисты конкретных наук.

Концепты, равно как и понятия, не обязательно должны иметь, по нашему видению, вербализованную форму, хотя, как правило, они материально существуют, т.е. знаково оформлены.

Известно, что концепты входят в область, соотносимую с менталитетом как множеством когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации. Граница, разделяющая ментальность и менталитет – концепты в широком и концепты в узком понимании – в достаточной мере нечетка. Единственным критерием здесь может служить степень массовидности и инвариантности когнитивных и психологических стереотипов, отраженных в лексической семантике языка [68].

Трансформируемые в культурные концепты понятия в их первичной форме существуют в человеческом сознании как некий диффузный, размытый, недостаточно четко схваченный языком «сгусток смысла» (термин Ю.С. Степанова) [93], интуитивно осознаваемый его продуцентом-

носителем. Следовательно, их вычленение из текста или дискурса связано с многочисленными сложностями. Эти все еще не до конца оформившиеся, но уже «зачатые» «сгустки смысла» Степанов называет предформами потенциальных понятий, способных в перспективе стать концептами, т.е. понятиями, сопровождаемыми определенными оценками. Рассуждения лингвиста можно представить в виде следующей схемы: концепт = понятие + представление о нем.

По мнению автора, прежде чем предформы понятий будут осмыслены примитивным человеком, станут, так сказать, его интеллектуальным достоянием, они, являясь зародышами потенциальных мыслительных конструктов - впечатлений, ощущений, представлений, - непременно переживаются на уровне бессознательного. По мере превращения архаичного человека в человека цивилизованного постепенно извлекаются сознанием из области бессознательного. Затем, реальные концепты выкристаллизовываются в некие четкие смысловые фрагменты, несущие в себе отражение результатов «проработанных» человеком ощущений и впечатлений как перцептивных образов, исходящих от окружающей среды.

Отвечая на вопрос «как человек может добраться до смысла?», нам вспоминаются слова А. Вежбицкой: «Мы можем добраться до мысли только через слова» [13].

И если концепт представляет собой вербально явленный смысл, то собственно языковедческая проблематика в его изучении оказывается связанной с определением области бытования этого смысла и уровнем его коммуникативной реализации: является ли он фактом идиолектного или национального языкового сознания, фактом речи или же языка, фактом ситуационной разовой реализации или единицей словаря, если словаря, то соотносим ли он со словом или же с его лексико-семантическими вариантами.

Концепт соотносим с категориями значения и смысла. Значение имени – это предмет (денотат), носящий данное имя, смысл – концепт этого денотата, информация, благодаря которой становится возможным отнесение имени к данному предмету. В лингвокультурологической трактовке концепт отождествляется с типовым представлением «прототипом, гештальт-структурой» (термины Телия) [55] и здесь, как можно видеть, логико-семантические значение и смысл практически меняются местами: концепт денотата – сведения, необходимые и достаточные для выделения класса объектов – замещается собственно денотатом – типовым образом, представляющим класс в нерасчлененной полноте признаков.

Смысл – это по определению Г.П. Щедровицкого «общая соотнесенность и связь всех относящихся к ситуации явлений» [68] Он всегда ситуационен, обусловлен контекстом, принадлежит речи и первичен по отношению к значению, которое, в свою очередь, внеконтекстно, неситуационно, принадлежит языку, производно от смысла, социально институционализировано и формулируется, в отличие от смыслов, создаваемых всеми и каждым, исключительно составителями словарей. Суммируя вышесказанное, мы приходим к выводу, что концепт в дихотомии значение-смысл соотносим со значением, так как принадлежит национальному языковому сознанию.

Говоря о классификациях концептов, необходимо подчеркнуть, что в основу классификаций разные ученые кладут различные признаки. Начнем со структурно-семантической типологии. Так, А.П. Бабушкин классифицирует концепты на лексические и фразеологические [Бабушкин, 1996: 12]. Со структурно-семантической точки зрения правомерно выделение в самостоятельные типы препозитивных, предложных и других концептов, что и делает Н.А. Красавский [63; 69].

В основу дискурсной классификации С.А. Аскольдов и В.И. Карасик кладут «принцип способов освоения» мира - научный, художественный и

обыденный, и выделяют в отдельный тип научные, художественные и обыденные концепты [31; 32; 33; 95].

Еще одним критерием разграничения лингвокультурных концептов является, очевидно, их принадлежность к сфере знания или сознания, которую они обслуживают. Концепты могут типологизироваться не только структурно-семантически, дискурсно, но и социологически. Так, Д.С. Лихачев все концепты классифицирует на следующие группы: универсальные (например, «смерть», «жизнь»), этнические («отчизна», «интеллигенция»), групповые («сцена» для актера и зрителя), индивидуальные (они полностью зависят от личного опыта, системы ценностей, культурного уровня конкретного человека) [51, с. 280-287]. Именно от степени владения культурой, т.е. уровня образованности, воспитанности, интеллигентности, зависит концептосфера конкретного человека.

Подводя итог всему вышесказанному о концепте, следует подчеркнуть, что категория концепта получает междисциплинарный статус, так как она используется в двух новых парадигмах: лингвокогнитологии и лингвокультурологии.

Представители первого направления (Е.С. Кубрякова, Н.А. Болдырев, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин) интерпретируют концепт как единицу оперативного сознания, выступающую как целостное, нерасчлененное отражение факта действительности. Образуюсь в процессе мысленного конструирования (концептуализации) предметов и явлений окружающего мира, концепты отражают содержание знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания.

Представители второго, культурологического направления (А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов,

Л.О. Чейненко, С.Х. Ляпин, В.И. Шаховский, С.Г. Воркачев) рассматривают концепт как ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой [66].

Итак, в лингвистическом понимании концепта наметилось три основных подхода. Во-первых, в самом широком смысле в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют 'наивную картину мира' носителей языка. Д.С. Лихачев предполагает, что совокупность таких концептов и образует концептосферу языка [51, с. 280-287], в которой концентрируется культура нации. Определяющим в таком подходе является способ концептуализации мира в лексической семантике, основным исследовательским средством – концептуальная модель, с помощью которой выделяются базовые компоненты семантики концепта и выявляются устойчивые связи между ними. Во-вторых, в более узком понимании к числу концептов Ю.С. Степанов и Нерознак относят семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определенной этнокультуры [66]. Совокупность таких концептов не образует концептосферы как некое целостного и структурированного семантического пространства, но занимает в ней определенную часть – концептуальную область. И, наконец, к числу концептов относят лишь семантические образования, список которых в достаточной мере ограничен и которые являются ключевыми для понимания национального менталитета как специфического отношения к миру его носителей.

Обобщение точек зрения на концепт и его определения в лингвистике позволяет прийти к следующему заключению: концепт – это единица коллективного сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. И

одной из значимых сфер репрезентации концептов является медиапространство.

1.3.2. Особенности репрезентации концептов в системе медиапространства

Познавая и воспринимая мир, человек пытается упорядочить знания, т. е. распределить новые знания по тем или иным рубрикам, существующим в его сознании. Знания людей об объективной действительности организованы в виде концептов, абстрактных ментальных структур, отражающих различные сферы деятельности человека. Человек мыслит концептами, комбинируя их, формируя новые концепты в ходе мышления [43, с. 96].

Концепт вербализуется и становится частью семантического пространства языка, получая для своего выражения систему языковых знаков. Язык может репрезентировать всю информацию, полученную человеком. Информация, заключенная в концепте, очень многогранна: она дает сведения об обозначаемом объекте со всех сторон, во всем многообразии его проявлений и связей с другими объектами. Несомненно, наиболее полное раскрытие содержания концепта может обеспечить лишь сочетание различных подходов, результаты которых дополняли бы друг друга [43, с. 97]. И в настоящее время концепт рассматривается и в контексте художественных текстов, и в структуре дискурсов. Относительно медиапространства отметим: «В современном мире поведение человека, образ его мышления напрямую связан со средствами массовой информации. Предоставляя человеку информацию о состоянии мира, формируя его мировоззрение, СМИ оказывают влияние на весь стиль поведения человека.

Появившись сначала как чисто технические способы передачи информации, СМИ очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание. Современная эпоха – это прежде всего

эпоха информации. Тот, кто владеет информацией, тот владеет общественным сознанием, так как информация имеет решающее значение в области управления общественным сознанием [19; 20; 21; 28; 42; 59; 87; 103; 110]. Влияние СМИ на общественное сознание сегодня очень велико. Часто всё сводится к манипуляции, к заранее планируемой реакции адресата, а иногда и сознательному искажению информации. Всё это свидетельствует о становлении новой функции самого языка – функции управления поведением огромных масс людей и манипулирования их сознанием. Потребление информации в последние годы растет очень стремительно. Человеку становится все труднее усвоить, систематизировать и осознать весь объем получаемой информации. С учетом этого СМИ используют разнообразные информационные клише, цель которых – воздействие на потребителя и достижение максимального эффекта.

Актуализируя значимость рассмотрения особенностей репрезентации концептов в многомерной системе медиaprостранства, отметим, вслед за подавляющим большинством исследователей современного медиaprостранства, что «медиаcистемы – это не только средства передачи информации. Они обладают собственной смыслообразующей, мирообразующей тенденцией, порождающей специфические культурные практики, для осмысления которых философам и культурологам надо искать новые языки и методы» [21, с. 34]. В связи с этим сегодня медиaprостранство является той сферой, содержательные границы которой диктуют учёным условия для поиска различных методов исследования, в том числе исследования концептуальной составляющей медиaprостранства.

Таким образом, поскольку медиaprостранство является транслятором особенностей национальной картины мира, чрезвычайно важно рассматривать концепт и в таком контексте.

Одно из главных свойств картины мира, моделируемой средствами массовой информации, – это стабильность. Под влиянием СМИ картина мира

у потребителя/носителя информации все время уточняется, дополняется, корректируется и конкретизируется. Нагруженность органов чувств прессой, радио, телевидением при ее формировании неодинакова. Хотя большинство образов в картине мира имеет визуальный характер, довольно значительная нагрузка падает и на слух. Наглядность как глобальный образ мира нередко относят к числу существенных признаков картины мира. Одним из главных свойств картины мира потребителя/носителя информации является ее целостность, а основным элементом – смысл, характеризующийся инвариантностью, актуальностью, субъективностью, неполной экспликацией (разъяснением), недоступностью полному восприятию, континуальностью (непрерывностью), динамичностью [62, с. 83].

У картины мира, создаваемой посредством СМИ, две функции: интерпретативная (осуществлять видение мира) и вытекающая из нее регулятивная (быть универсальным ориентиром человеческой жизнедеятельности). Картина мира формирует отношение потребителя информации к миру – природе, другим людям, самому себе как части этого мира, задает нормы поведения человека, определяет его отношение к жизни [62, с. 84].

Неотъемлемой частью жизненного пространства читателя/слушателя/зрителя является культура. Картина мира как ментальной репрезентации культуры во многом свойственны характеристики, присущие ей как феномену: многоаспектность, полиинтерпретируемость, целостность, комплексность, историчность, многообразие, способность к эволюции и др. Картина мира в каждой лингвокультуре культуроспецифична.

По мнению некоторых когнитивистов, картина мира носителя информации создается в результате двух различных процедур: 1) экспликации (от лат. *explicatio* – развертывание, разъяснение), экстрагирования (удаление, извлечение), опредмечивания, объективирования

и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности человека, и прежде всего его практической деятельности, и 2) созидания, творения, разработки новых образов мира, осуществляемых в ходе специальной рефлексии, носящей систематический характер.

Поскольку конститутивной чертой индивидуальной картины мира потребителя/носителя информации является ее динамический характер, адекватное описание картины мира невозможно вне процессуально-динамического ее представления, предполагающего рассмотрение генезиса, становления и функционирования в различных ситуациях жизнедеятельности человека. Динамический характер картины мира ученые связывают с ее двойственным существованием – необъективированным, т. е. неопредмеченным элементом сознания и жизнедеятельности человека, его репродуктивного и продуктивного воображения, и объективированным в виде опредмеченных образований – различных следов, случайных или намеренных, оставляемых человеком в процессе жизнедеятельности. «Репродуктивное воображение воспроизводит образ предмета, уже когда-то созерцавшегося, а продуктивное (творческое) воображение впервые создает образ» [81, с. 23]. «Отпечатки» картины мира, ее окаменелости можно обнаружить в языке, кинесике, в культовом и светском изобразительном искусстве и музыке, ритуалах, вещах, этике, моде, способах ведения хозяйства, технологии вещей, построенных с учетом логики вещного мира, вычлененной и запечатленной в картине мира, различного рода социокультурных стереотипах поведения людей, ментальных эпизодах и т. д. Обычно объективация картины мира осуществляется не до конца, эскизно, несистематически, в популярных очерках изложения основ наук, философских трактатах, комментариях, публицистике, художественной литературе – в любых различных художественных, научных и прочих опытах рефлексии над картиной мира и мироведением человека [62, с. 84]

Ю.А. Кимелев рассматривает двойственное существование картины мира как две базисные ситуации. Первая заключается в объективировании картины мира. Она может осуществляться в трех различных формах: 1) стихийной рационализации в естественном языке и другого рода «текстах»; 2) семантической теоретической рационализации в философии, науке и т. д.; 3) метаописании путем метамоделирования картин мира по результатам первичной (в языке) и вторичной рационализации (в философии, науке и т. д.). Первая форма объективации картины мира тесно связана с обыденным сознанием, вторая – с теоретическим сознанием и самосознанием, третья – с философско-методологической рефлексией как особой разновидностью деятельности самосознания [39].

Перечисленные формы объективации картины мира в СМИ связаны с представлениями и знаниями человека о мире, пресуппозиционными установками. Как утверждает профессор В.И. Ивченков, предназначение СМИ заключается в ориентировании на запросы массовой аудитории. «Публицистический текст, реализованный в телевизионных репортажах, печатных СМИ, радиозэфирах, – это осуществленные в реальности представления реципиентов о жизненных событиях и явлениях: войне, политике, экономике, культуре, образовании и др. Восприятие того или иного события в прессе опирается на наличие в сознании (или подсознании) фреймовых структур, под которые адресат подстраивает свое понимание увиденного, услышанного, прочитанного» [27, с. 181].

Вторая базисная ситуация процессуального представления связана с созданием общей и индивидуальной картин мира. Создателем и носителем первой из них является коллективный субъект, в более конкретном преломлении – коллективное авторство медиатекста. Один из важных моментов бытия общей картины мира заключается в ее культурной трансляции и введении в сознание индивидов. У каждого СМИ конкретно-исторической эпохи имеется своя репрезентируемая картина мира,

индивидуальная в отражении действительности и ее интерпретации [62, с. 85].

Однако наблюдаются процессы, которые приводят к обеднению картины мира. В отечественных публицистических текстах советского периода обеднением картины мира носителя/потребителя информации можно считать нарушение фактуальной презумпции, отсутствие у идеологов ориентации не только на социально значимое, но и на духовное развитие населения. «В прессе советского периода типичной была семантическая характеристика пассивного участника коммуникативной ситуации, позиция пациента. Однако в публицистическом тексте начала XXI в. все чаще имеет место одушевленный участник ситуации, ее намеренный инициатор, который контролирует ситуацию, непосредственно совершает соответствующее действие, – агенс (агентив)» [27, с. 189].

Картина окружающего человека мира представлена в трех формах: реальная, культурная (или понятийная, концептуальная) и языковая [Тер-Минасова 2000]. Реальная картина мира – это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека. Культурная (понятийная) картина мира – это отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание как коллективное, так и индивидуальное. Языковая картина мира отражает реальность через культурную картину мира. Воспринимая информацию, поступающую из СМИ, реципиент, как правило, спрашивает себя: что есть истина и что кажется истиной в тексте? Какие компоненты описания идут от реальности, а какие – от автора (источника)? Как согласуются эти компоненты и согласуются ли они вообще? [56].

Разновидностями концептуальной являются наивная и научная картины мира, которые различаются по способу познания действительности. Наивная картина мира потребителя/носителя информации формируется

благодаря «сказкам», создаваемым журналистами, например, о деятельности политиков. Журналисты представляют материал, который может заинтересовать читателя, слушателя, зрителя – массовую, социально неоднородную аудиторию, в виде «сказки» о добре и зле, где главным «положительным» героем – борцом за правду и добро, разоблачителем зла – выступает пресса, а политики зачастую персонифицируют зло.

Действие «сказки» протекает на фоне опасных, трудных и прямо катастрофических обстоятельств – природных и экологических катаклизмов, экономических и социальных бедствий и пр. Главная ее цель – быть сенсационной, производить впечатление на потребителя информации [56].

По мнению В.И. Постоваловой, концептуальная картина мира – это «глобальный образ мира, существующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории и лежащий в основе мировидения человека» [69]. Потребитель/носитель информации, приобретая опыт, трансформирует его в определенные концепты, которые, логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему; она конструируется, модифицируется и уточняется человеком непрерывно. Медийная картина мира складывается в процессе когнитивной обработки сведений о нем, поступающих в головной мозг по всем перцепционным каналам: визуальному, акустическому, тактильному, одорическому, густическому. Другими словами, информация о мире у реципиента в конечном счете категоризуется и концептуализуется [62, с. 85]. Концептуализация – один «из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающейся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концепта, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [118, с. 93]. Концепт – это ментальное образование, с помощью которого и в котором хранятся сведения о мире. Концепт как единица ментального лексикона может иметь различную когнитивную природу: фрейм (сценарий,

схема, план), гештальт и др. Такая «событийность публицистического текста ярко проявляется в тематических репертуарах фреймов-структур, которые репрезентируют стереотипные ситуации в сознании человека и по которым складывается интерпретация конкретного сообщения» [27, с. 191].

Совокупность концептов, концентрирующих в себе всю культуру нации, образует концептосферу данного языка. Концептами, согласно такому подходу, могут быть любые лексические единицы, в значении которых просматривается способ (форма) семантического представления окружающего мира. Посредством языковых средств в публицистическом тексте, который находится в центре каждой из перечисленных групп стратегий, моделируются фрагменты концептуальной картины мира потребителя/носителя информации» [62, с. 87]. В трактовке профессора В.И. Ивченкова, «публицистический текст маркирует проявление той или иной стратегии устройства жизненного пространства и места человека/носителя языка в нем. Человек оказывается в фокусе публицистического текста/дискурса, выявляя многовекторность коммуникативного взаимодействия с ним и представляя собой совокупную языковую личность» [27, с. 190].

Таким образом, концептуальная картина мира потребителя/носителя информации объективируется благодаря сообщениям СМИ, которые обладают такими характеристиками, как публичность, универсальность (включение в них самой разнообразной информации), социальная актуальность (актуальность содержания для больших социальных групп), а также периодичность информации. Оперативно информируя широкие массы населения, отечественные СМИ моделируют как индивидуальную картину мира читателя, слушателя, зрителя, так и общую картину мира социума, поскольку осуществляют социальную связь, взаимодействие между различными группами общества. Являясь одним из важнейших факторов, обуславливающих взаимосвязанность, взаимозависимость и определенную

целостность современного мира, СМИ имеют реальную возможность оказывать целенаправленное воздействие на потребителей/носителей информации, эффективно применять стратегии, вербальные и новые технологические тактики в моделировании картины мира массовой аудитории.

Выводы по главе I

В первой главе, посвящённой теоретическим аспектам изучения концепта в медиапространстве, были рассмотрены понятие и структура концепта, проанализированы подходы к изучению концепта и лингвистическая составляющая медиапространства, концепт был рассмотрен как фрагмент медиапространства, а также были приведены характеристики факторов концептуализации феномена «историческая память» в медиапространстве.

В результате теоретической части магистерской диссертации нами был сделан ряд выводов, которые приведены ниже.

В результате проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Сущность медиапространства заключается в следующих его характеристиках: 1) ядром медиапространства признаются средства массовой коммуникации (в частности, СМИ); 2) СМИ (а значит медиапространство) являются активным актором формирования других видов пространств: социального, культурного, образовательного, религиозного и т. д.; 3) изменения в медиапространстве непосредственно связаны с трансформационными процессами в обществе, и поскольку медиапространство отражает ведущие тенденции развития общества, то это позволяет изучить его развитие в контексте происходящих преобразований; 4) медиапространство формирует картину мира, находящуюся за пределами чувственного опыта индивида, оно – не просто отражение реальности, это социально конструируемое понимание мира; 5) медиапространство представляет собой сложную систему, обладающую определенным набором структурных элементов, которые взаимосвязаны и подчиняются общим закономерностям развития целого, и поскольку медиапространство является ретранслятором особенностей национальной картины мира, в нем

объективируются значимые её фрагменты, в том числе и ключевые концепты.

2. В рамках нашего исследования мы придерживаемся определения концепта с позиций лингвокультурологии и понимаем его как многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны. Концепт рассматривается нами как понятие, которое является ценностью данной культуры или человеческой культуры вообще, сгусток культуры, посредством которого человек входит в культуру и культура входит в человека. Концепты в этом понимании образуют языковую картину мира и соотносятся с традициями, обычаями.

3. Структура концепта включает образующие концепт базовые структурные компоненты разной когнитивной природы – чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле, и описывается как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из этих структурных компонентов концепта.

4. Обобщение точек зрения на концепт и его определения в лингвистике позволяет прийти к следующему заключению: концепт – это единица коллективного сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. И одной из значимых сфер репрезентации концептов является медиапространство.

Концептуальная картина мира потребителя/носителя информации объективируется благодаря сообщениям СМИ, которые обладают такими характеристиками, как публичность, универсальность (включение в них самой разнообразной информации), социальная актуальность (актуальность содержания для больших социальных групп), а также периодичность информации. Оперативно информируя широкие массы населения,

отечественные СМИ моделируют как индивидуальную картину мира читателя, слушателя, зрителя, так и общую картину мира социума, поскольку осуществляют социальную связь, взаимодействие между различными группами общества. Являясь одним из важнейших факторов, обуславливающих взаимосвязанность, взаимозависимость и определенную целостность современного мира, СМИ имеют реальную возможность оказывать целенаправленное воздействие на потребителей/носителей информации, эффективно применять стратегии, вербальные и новые технологические тактики в моделировании картины мира массовой аудитории.

Медиасистемы – это не только средства передачи информации. Они обладают собственной смыслообразующей, мирообразующей тенденцией, порождающей специфические культурные практики, для осмысления которых философам и культурологам надо искать новые языки и методы» [Дзялошинский 2015, с. 34]. В связи с этим сегодня медиaprостранство является той сферой, содержательные границы которой диктуют учёным условия для поиска различных методов исследования, в том числе исследования концептуальной составляющей медиaprостранства. Поскольку медиaprостранство является транслятором особенностей национальной картины мира, чрезвычайно важно рассматривать концепт и в таком контексте.

Глава II. Вербальные средства концепта «историческая память» в российском медиапространстве

2.1. Концепт «историческая память» в русской языковой картине мира

В сфере внимания концептуальных подходов к изучению исторической памяти находятся «коммуникативная память», охватывающая воспоминания трех-четырёх живущих ныне поколений, — и «культурная память», соединяющая современность с давним прошлым; память «мягкая» (личная, субъективная, запечатленная в дневниках и воспоминаниях) — и память «жесткая» (закрепленная в форме разнообразных «мест памяти», музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат, мемориалов и церемониалов); обыденные представления о прошлом — и эволюция профессиональных, научных практик историописания.

Чтобы понять вышесказанное, уместно обратиться к анализу основных концептуальных подходов, в том числе понятийнокатегориального инструментария изучения исторической памяти. Именно через анализ научного инструментария можно понять, на какие вопросы ищут ответы исследователи, обращаясь к изучению исторической памяти; какими методами ведут поиск; что надеются обнаружить в результате.

В современной России на волне исследовательского интереса к проблемам исторической памяти активно издаются и переиздаются классические труды таких авторов, как М. Хальбвакс [99], П. Нора [60], Я. Ассманн [2], П. Рикер [80], Ю.М. Лотман [53] и многих других.

Сформировались школы и научные направления по изучению исторической памяти: одно из таких направлений — «история исторической культуры», представленная в исследованиях Российского общества интеллектуальной истории; другое — история «живой» социальной памяти, которой посвящены исследовательские проекты издательства «Новое

литературное обозрение». Вопросы исторической памяти становятся востребованной проблематикой диссертационных исследований.

Так, XX столетие, в котором окончательно завершился процесс институционализации, характеризуется устойчивым интересом к проблеме исторической памяти. Ныне эта проблема вышла за пределы собственно философии, психологии и социологии и изучается представителями смежных гуманитарных дисциплин. В научных работах многих ученых можно встретить близкие понятия типа «коллективная память», «культурно-историческая память», «социально-историческая память».

Также XX век стал временем роста социальных преобразований, научно-технического прогресса, внедрения новых технологий, рождения новых коммуникативных отношений. В этот период обостряется необходимость в обосновании сути человеческого бытия, духовно-психологических и социально-исторических факторов в развитии общества.

По мнению М.В. Соколовой, с естественным уходом людей — современников исторических событий историческая память меняется, приобретает новые оттенки, становится менее достоверной и более насыщенной «реальностями» дня сегодняшнего. То есть историческая память со временем ещё больше политически и идеологически актуализируется [88; 89].

Историческая память и основывающееся на ней историческое сознание относятся к числу тех явлений социальной и культурной жизни, содержание которых определяется представлениями разных обществ и социальных групп о реальности, истинности и достоверности. Эти представления менялись со временем и были укоренены в мировоззрении и интеллектуальных традициях отдельных народов и цивилизаций.

Различные общества, а внутри них отдельные социальные группы не только формируют присущие исключительно им типы исторического

сознания и исторической памяти, но и обнаруживают разную степень осмысления прошлого. В частности, взгляд на прошлое как на процесс развития, важный для понимания современности, – характерная черта греко-римской и иудео-христианской традиций, преемственность с которыми осознает современная историческая наука.

Выяснение картины прошлого и сохранение памяти о собственной истории в этих культурах воспринимались как способ решения актуальных проблем, а история выступала и как «учительница жизни», и как инструмент познания прошлого. Она отразила возрастающий интерес в общественном сознании к различным формам исторической памяти, отношению к традициям и реальным событиям прошлого, истории искусства и науки, политики и религии, техники и повседневности, памятникам и биографиям, сохраненным письмам, дневникам, фотографиям, записным книжкам и любимым вещам. Исследователи называют такие знаки памяти культурными символами, отразившими в самосознании и ментальности народа духовные ценности и коллективные представления исторической эпохи.

Вероятно, интерес исследователей к образам прошлого является причиной того, что язык исследований по исторической памяти сам становится образным, метафоричным в высокой степени. Стратегия описания мира памяти с помощью пространственных метафор восходит к классическому исследованию Пьера Нора о «местах памяти» [60].

В исследованиях по исторической памяти часто встречаются такие понятия, как *«карта памяти»* («выборка» исторических событий, которые признаются важнейшими в истории страны или семьи); *«ландшафт памяти»* (география сюжетов исторической памяти). Если при проведении социологических опросов об отношении к прошлому анализируется не только набор упоминающихся событий, но и частота их упоминания, — то выявляются, по образному выражению Э. Зерубавеля, «мнемонические пики» и «мнемонические равнины», «вершины» и «долины» коллективной

памяти. Все эти яркие образы явно группируются вокруг метафоры памяти-пространства.

Интересно, что для исследований исторической памяти столь же типичны и визуальные метафоры, например метафора «картины прошлого», его «панорамы», мозаики или же головоломки-пазла с пропущенными элементами. Но, безусловно, одна из самых часто встречающихся категорий в исследованиях по исторической памяти — категория мифа. На сегодняшний день именно она стала ключевой в инструментарии исследователей, занимающихся проблемами исторической памяти; при этом можно отметить многозначность данной категории.

С помощью понятия «миф» зачастую описываются проекты коллективной идентичности: «национальные мифы». Миф в данном случае трактуется как механизм, обеспечивающий воспроизведение коллективной идентичности через постоянные отсылки к сюжетному повествованию об «общем прошлом», к его ключевым моментам и персонажам.

Именно поэтому историческая память является неотъемлемым аспектом в формировании ценностных ориентиров личности, особенностей морально-этического и философского понимания мира, основой формирования мировоззрения.

Проблема памяти вообще и исторической в частности привлекала и продолжает привлекать к себе пристальное внимание представителей разных наук — философии, психологии, истории, социологии.

Интерес к вопросам, связанным с исторической памятью, имеет весьма длительную историю. Поскольку философия является одной из древнейших областей интеллектуальной деятельности человека, первыми к вопросу о памяти обратились именно философы.

Размышления о природе памяти встречаются у античных мыслителей – Платона, Аристотеля [64, с. 126] (посвятившего ей специальную работу «О памяти и воспоминании») и Плотина. В более позднее время к проблемам памяти обращался также Августин [65, с. 315].

«Стихийные» представления об исторической памяти в периоды Античности, Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени существовали в виде разрозненных элементов и не выделялись из философских систем, религиозных учений и общественно-исторической мысли. Однако «стихийные» представления об исторической памяти продолжают существовать и после появления «научных» представлений [67; 74].

Только приблизительно с XVII века европейская научная мысль стала обращаться к проблемам взаимодействия традиций и новаций, усматривая в них суть исторической преемственности в различных областях духовной деятельности.

В трудах немецкого ученого И.Г. Гердера собственно память упоминается не так уж часто. Однако она подразумевается, когда речь заходит об обеспечиваемом ею процессе культурной трансляции [78].

В отечественных социальных науках одним из первых близкое (хотя и не тождественное) по сути к исторической памяти понятие «историческое сознание» употребил А.И. Герцен. В дальнейшем эти идеи нашли отражение в трудах многих выдающихся российских деятелей: Н.Г. Чернышевского, В.О. Ключевского, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева, Н.А. Данилевского, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и др. [65].

Важным этапом в осмыслении проблемы памяти явилась мысль о надличностном механизме хранения социально значимой информации, обеспечивающей стабильность развития общества. Очень продуктивно эта

идея рассматривалась в исследованиях европейских и американских социологов 2-й половины XIX—XX веков.

В работах одного из основоположников французской социологии Э. Дюркгейма и его последователей память рассматривалась как элемент системы коллективных представлений, в которых «как бы сконцентрировалась весьма своеобразная умственная жизнь, бесконечно более богатая и более сложная, чем умственная жизнь индивида» [78]. Научный подход Э. Дюркгейма получил дальнейшее развитие в трудах современных социологов. Американские ученые Г. Шуман и Ж. Скотт использовали для характеристики феномена памяти определение «коллективная память поколений», понимая под ним «коллективное восприятие и коллективные оценки, значимые [88; 89; 92; 94; 105; 107].

Опыт предшествующих поколений во многом определяет ход исторического развития. При этом историческая память, по мнению Гумилева, связана с зафиксированной памятью о прошлом (ведущая роль принадлежит артефактам культуры: летописям, сооружениям, предметам быта, эпосу, фольклору, историческим преданиям). Для того чтобы история стала учителем жизни, необходимо желание общества использовать исторический опыт, применять его в социальной практике [3, с. 317].

А.И. Ракитов подчеркивает связь между историческими фактами и их социальной актуализацией, утверждая тем самым, что социально-историческая память человечества, выступающая как знание о прошлом, дает множество образцов социально значимого поведения. Поступки исторических персонажей, различные исторические ситуации, типы разрешения определенных конфликтов, ведущих к укреплению данного общественного строя, данной этнической общности, социальной группы или организации, со временем становятся эталонами.

В отечественной общественной мысли новейшего времени преимущественным вниманием при анализе данной проблемы пользуется информационный подход, базирующийся на использовании в описании объекта методологических принципов теории информации. Так, например, обсуждая вопросы, связанные с хранением информации в памяти, Э.В. Соколов указывает, что для ее записи необходимы два условия: наличие знаковых систем и «определенного метода упорядочения ... информации по ее ценности и содержанию» [67].

По мнению Э.В. Соколова, наиболее употребительными знаковыми системами являются разговорные языки. Методы их организации: предание, мнение авторитетного лица, система верований, логически и семантически разработанная система знаний, то есть научное мировоззрение [88; 89].

«Центром кристаллизации» знаний служит опыт личности. Однако, по мнению цитируемого автора, «естественная» память не способна выступать «надежным механизмом культурной преемственности». Несомненно, «естественная» память по степени надежности не идет ни в какое сравнение с памятью «искусственной» (машинной, компьютерной). Однако именно она долгое время служила единственным (и достаточно эффективным) способом передачи накопленного социокультурного опыта. Особое место в научной литературе в последние одно-два десятилетия уделяется также терминологии, выработке лексики и дефиниций, анализу сложившихся в обществе систем хранения, переработки и использования информации.

В частности, В.А. Ребрин в качестве основного использовал термин «социальная память», рассматривая ее как «осуществляемый обществом с помощью специальных институтов, устройств и средств процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщенного коллективного опыта, добытого в процессе развития науки, философии и образных представлений о мире» [105].

По мнению В.В. Устьянцева, социальная память является основным фактором формирования исторического сознания [84, с. 30].

Достаточно близко к обсуждаемой проблематике подошел А.А. Малиновский, который назвал данный феномен «внешней памятью». Он считал, что «внешняя память» возникает из потребности общества в «преемственности познания с сохранением информации из поколения в поколение» [85, с. 221].

В.А. Колеватов в своей работе «Социальная память и познание» указывает, что изучение проблемы памяти не может ограничиться только лишь памятью одного человека, а должно распространяться и на общество в целом. Историческую память он рассматривает как хранилище традиций, опыта, научных знаний, художественных произведений. Он описывает отдельные материальные средства и учреждения культуры (музеи, библиотеки и пр.), обеспечивающие тиражирование и распространение текстов разного рода, картин др.

Отсюда историческую память можно представить как набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно социального опыта, непосредственно в отношении народа. Также является видом коллективной (или социальной) памяти.

Таким образом, историческая память проявляется в привычках, быту, культуре, отношении к другим народам, поколениям, политических предпочтениях, стремлении к независимости и т.д. Она может содержать цивилизационные архетипы и архетипы, свойственные только данному этносу.

2.2. Особенности концептуализации феномена «историческая память» в российском медиaprостранстве

Феномена «историческая память» в медиaprостранстве в настоящее время носит концептуализированный характер ввиду исторических, культурных и др. закономерностей.

В медиатекстах как продуктах медиaprостранства данный феномен в последнее время является предметом особого освещения.

С.И. Сметанина рассматривает медиатекст в системе культуры «в качестве источника получения информации о духовных импульсах и материальной сфере человеческой деятельности, о принципах развития общества» [87, с. 78]. Основное внимание автор уделяет стилю журналистских публикаций, изменившемуся в связи с активными процессами, происходящими в обществе и в журналистике (деидеологизация, деавтоматизация, авторизация газетного дискурса). Эти процессы повлияли на то, что активность журналиста «направляется не на мир реальных объектов, а на язык» [87, с. 26]; журналисты, «переключая внимание свое и читателя с события на код (язык) и его возможности, сообщают медиатексту эстетическую функцию» [87, с. 53]. И поэтому концепт «историческая память» рассматривается с различных составляющих – собственно исторической, этической, культурологической, социальной и др.

Конфигурация российского медиaprостранства определяется средствами массовой коммуникации. В настоящее время выделяются два класса СМК: традиционные и новые. Традиционными называются средства массовой коммуникации, которые существовали до изобретения Интернета. К ним относят телевидение, кино, газеты, журналы, музыку, радио и др. В качестве продукции традиционных медиа обычно фигурируют периодические печатные издания, радио-, теле-, видеoproграммы,

кинохроникальные программы и т.п. Как синонимы понятия «традиционные медиа» в России используются аббревиатуры СМИ и СМК. И хотя формы и способы потребления информации в современном мире быстро меняются, роль Интернета растет, традиционные СМИ сохраняют свою жизнеспособность.

Пространство телевидения занимает самую значительную часть российского медиaprостранства. Несмотря на нарастающую конкуренцию на медиарынке, телевидение остается лидером в борьбе за время и внимание аудитории [21, с. 71].

Медиаcфера – это «феномен нового времени, и если еще совсем недавно информация позиционировалась как товар, то сейчас информация — это и есть сама действительность» [11, с. 211].

Великая Отечественная война занимает особое место в истории России XX века и является мощным стимулом для изучения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, выявления особенностей ее формирования и функционирования. Особенно актуально сегодня стоят вопросы о том, что мы знаем о войне, что помним, какие чувства испытываем, вспоминая трагический, но и героический период развития страны. Эти знания, оценки и эмоциональный фон составляют неотъемлемый ресурс патриотического и гражданского развития [48; 49; 82; 86; 102]. Основные положения и выводы, изложенные в данной статье, основаны на результатах, полученных в процессе работы над грантом «Воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ». В российском историческом сознании вторая мировая война занимала и занимает особое место. Несмотря на то, что историческая память о войне подверглась и подвергается регулярным, настойчивым атакам как изнутри страны, так и извне, историческое сознание демонстрирует значительную устойчивость» [64, с. 261].

Репрезентация концептов в многомерной системе медиапространства чрезвычайно обширна. Историческая память в данной многомерной системе выступает в нашем сознании как фактор защиты национальных интересов, как фактор мира, как народный долг и мировая нравственная ценность.

Как отмечают исследователи, одна из задач лингвистических медиаисследований – поиск путей освещения в медиатекстах значений терминов этики, в том числе и регулятивных концептов» [6, с. 149]. Концепт «историческая память» относится к концептам в том числе этически значимым. Ср.:

Речь — это корни, детство, запах апельсина, который есть соседка Мурка, это телефонный звонок Бориса Леонидовича, это родители, семья, отечество и историческая память. [И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)]

Несущая в себе цивилизационные и этнические архетипы историческая память является необходимым условием существования цивилизации, необходимым условием существования каждого народа. [В. Сбруев. О стирании исторической памяти (2012)]

«Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь». [Борис Дубин, Ирина Прусс. Проехали... // «Знание - сила», 2011].

Что же до великих и сильных мира сего, чьи мнения, решения и свершения неизбежно и нередко определяющим образом воздействуют на жизнь и судьбы множества людей и даже целых народов, то если буквально следовать ей, историческая память была бы невозможна, тем более понимание истории. [Ксения Мяло. Богопричастность или богоотверженность? // «Наука и религия», 2010]

«Нравственная оседлость» невозможна без осмысления своего прошлого, а значит, и реабилитации такой жизненно важной способности человека, как историческая память. [патриарх Кирилл (Гундяев). Из выступления Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Международных Рождественских чтений // Журнал Московской Патриархии № 3, 2010] [омонимия не снята] ←...→

Историческая память — это еще и прививка честности и смирения, главных человеческих добродетелей, ведь помнить приходится не только о взлетах, но и о своих падениях и ошибках. [патриарх Кирилл (Гундяев). Из выступления Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XVIII Международных Рождественских чтений // Журнал Московской Патриархии № 3, 2010].

Сфера наших интересов — духовные устремления человека, его отношение к Родине, историческая память народа, позиции России в диалоге с другими народами и культурами. [Владимир Якунин, Сергей Антоненко. Диалог цивилизации — это диалог между личностями // «Родина», 2008].

Почему с такого оскорбительного для патриотического чувства послания варягам начинается наша русско-славянская историческая память? [«Futurum», или О разделении России на «мы» и «они» // «Жизнь национальностей», 2021.06.16].

Следует признать, что реальные угрозы безопасности странам Балтии, такие как распространение наркотиков и незаконная миграция, с вступлением в Североатлантический союз ничуть не уменьшились. Историческая память сыграла грустную шутку. С одной стороны страны Балтии видят в России имперский союз, с другой — Россия отвечает и расплачивается за прошлое, за те ошибки, которые были совершены 60 лет назад, за ту политику, которую проводило советское руководство.

[Стамбульский саммит альянса и проблемы Совета Россия — НАТО // «Военная мысль», 2020.11.15]

Наконец, известная путаница связана с понятием «историческая память», которое употребляется в весьма разных смыслах. [А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2021)] ←...→); утверждение статуса науки за историей в середине XX в. и нарастающий к концу века скептицизм в отношении научности истории и ее способности «давать уроки» при одновременном росте массового интереса к прошлому, не совсем точно проблематизированному как «историческая память». [А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2003)].

Длинный и довольно цветистый список функций истории мы предлагаем свести к пяти ключевым понятиям: поддержание образцов, легитимация, идентификация, открытие Другого и историческая память. [А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2020)] .

Подобные сочинения поднимают публичный престиж исторической науки, хотя удовлетворяют при этом совсем другие потребности. 5. «Историческая память» Вышесказанное, конечно, не отменяет других причин заинтересованности общества в развитии исторического знания, а также политических амбиций самих историков. [А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2020)].

Стремление оказывать влияние на современное общество реализуется ныне в таком недавно проблематизированном историками направлении как «историческая память». [А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2003)].

«Историческая память» по-разному концептуализируется отдельными авторами: как способ сохранения и трансляции прошлого в эпоху утраты традиции, как индивидуальная память о прошлом, как социальная память о прошлом, как синоним исторического сознания. [А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2020)].

Поэтому термин «историческая память» отчасти вводит в заблуждение. [А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2020)].

Соответственно и на массовом уровне историческая память совсем не тождественна историческому знанию. [А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2003)].

Историческая память, хранящая значимые события, в какой-то мере восстанавливает необходимую для социума связь с прошлым, которую в традиционном обществе обеспечивала традиция. [А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2003)].

Следствием того, что историческая память с недавних пор стала предметом исследования историков, являются попытки специалистов по политическим технологиям применить научные знания, накопленные в этой области, для более осмысленного влияния на общественные настроения. [А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2003)].

В этом смысле историческая память а-исторична, ибо в ней в известном смысле стирается Другое время и стимулом для нее является возможность, опираясь на «образ прошлого» и знание о прошлом, лучше

ориентироваться в настоящем. [А. В. Полетаев, И. М. Савельева. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2020)].

Репрезентация концепта «историческая память» раскрывается а контексте выступлений, статей, интервью политиков. Примеры из статьи В.В. Путина «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. 19 июня 2020 года // (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/64>):

«...уверен, что в характере у народов России – исполнять свой долг, не жалеть себя, если того требуют обстоятельства. Самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству – эти ценности и сегодня являются для российского общества фундаментальными, стержневыми. На них, по большому счёту, во многом держится суверенитет нашей страны.

*Сейчас у нас появились новые **традиции, рождённые народом**, такие как **«Бессмертный полк»**. Это марш нашей благодарной памяти, кровной, живой связи между поколениями. Миллионы людей выходят на шествия с фотографиями своих родных, отстоявших Отечество и разгромивших нацизм. Это значит, что их жизнь, испытания и жертвы, Победа, которую они передали нам, никогда не будут забыты.*

*...Нам всем нужны правда и объективность. Со своей стороны всегда призывал и призываю коллег к спокойному, открытому, доверительному диалогу, к самокритичному, непредвзятому взгляду на общее прошлое. Такой подход позволит **не повторить совершённых тогда ошибок и обеспечить мирное и благополучное развитие на долгие годы вперёд.***

Однако многие наши партнёры пока не готовы к совместной работе. Напротив, преследуя свои цели, они нарачивают против нашей страны количество и масштаб информационных атак, хотят заставить оправдываться, испытывать чувство вины, принимают насквозь

лицемерные политизированные декларации. Так, например, одобренная 19 сентября 2019 года Европейским парламентом резолюция «**О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы**» прямо обвинила СССР – наряду с нацистской Германией – в развязывании Второй мировой войны. Естественно, что каких-либо упоминаний о Мюнхене там не содержится.

Помимо угрозы для фундаментальных принципов миропорядка есть здесь и моральная, нравственная сторона. Глумление, издевательство над памятью – это подлость. Подлость бывает намеренной, лицемерной, вполне осознанной, когда в заявлениях по поводу 75-летия окончания Второй мировой войны перечисляются все участники антигитлеровской коалиции, кроме СССР. Подлость бывает трусливой, когда сносят памятники, воздвигнутые в честь борцов с нацизмом, оправдывая постыдные действия лживыми лозунгами борьбы с неудобной идеологией и якобы оккупацией. Подлость бывает кровавой, когда тех, кто выступает против неонацистов и наследников бандеровцев, убивают и сжигают. Повторю, подлость проявляет себя по-разному, но от этого она не перестаёт быть омерзительной.

Забвение уроков истории неизбежно оборачивается тяжёлой расплатой. Мы будем твёрдо защищать правду, основанную на документально подтверждённых исторических фактах, продолжим честно и непредвзято рассказывать о событиях Второй мировой войны. На это в том числе нацелен масштабный проект по созданию в России крупнейшей коллекции архивных документов, кино- и фотоматериалов по истории Второй мировой войны, предвоенному периоду.

...Против мощной, вооружённой до зубов, хладнокровной захватнической машины нацистов поднялась гигантская сила советского общества, объединённого стремлением защитить родную землю,

отомстить врагу, сломавшему, растоптавшему мирную жизнь, планы и надежды.

*...Но обций настрой советских граждан и наших соотечественников, оказавшихся за рубежом, был другим – сберечь, спасти Родину. Это был **настоящий, неудержимый порыв. Люди искали опору в истинных патриотических ценностях.***

В разгром нацизма – что бы сейчас ни пытались доказать – основной, решающий вклад внёс Советский Союз, Красная Армия. Герои, которые до конца сражались в окружении под Белостоком и Могилёвом, Уманью и Киевом, Вязьмой и Харьковом. Шли в атаку под Москвой и Сталинградом, Севастополем и Одессой, Курском и Смоленском. Освобождали Варшаву, Белград, Вену и Прагу. Брели штурмом Кёнигсберг и Берлин.

*Мы отстаиваем **подлинную, не приглаженную или отлакированную, правду о войне.** Эту народную, человеческую правду – суровую, горькую и беспощадную – во многом передали нам писатели и поэты, прошедшие через огонь и ад фронтовых испытаний. Для моего, как и для других поколений, их честные, глубокие повести, романы, пронзительная «лейтенантская проза» и стихи навсегда оставили след в душе, стали завещанием – чтить ветеранов, сделавших для Победы всё, что могли, помнить о тех, кто остался на полях сражений.*

И сегодня потрясают простые и великие по своей сути строки стихотворения Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом...», посвящённого участникам кровопролитного, жестокого сражения Великой Отечественной войны на центральном участке советско-германского фронта. Только в ходе боёв за город Ржев и Ржевский выступ с октября 1941 года по март 1943 года Красная Армия потеряла, включая раненых и пропавших без вести, 1 миллион 342 тысячи 888 человек. Называю эти, собранные по архивным источникам страшные, трагические, ещё далеко не

полные цифры – впервые, отдавая дань памяти подвигу известных и безымянных героев, о которых в послевоенные годы в силу разных причин говорили незаслуженно, несправедливо мало или вовсе молчали.

28 апреля 1942 года Рузвельт в своём обращении к американской нации заявил: «Русские войска уничтожили и продолжают уничтожать больше живой силы, самолётов, танков и пушек нашего общего неприятеля, чем все остальные Объединённые нации вместе взятые» (Документ № 17). Черчилль в послании Сталину 27 сентября 1944 года писал, что «именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины...» (Документ № 18).

Такая оценка нашла отклик во всём мире. Потому что в этих словах – та самая великая правда, которую никто тогда не подвергал сомнению. Почти 27 миллионов советских граждан погибли на фронтах, в немецком плену, умерли от голода и бомбёжек, в гетто и печах нацистских лагерей смерти. СССР потерял каждого седьмого из своих граждан, Великобритания – одного из 127, а США – одного из 320 человек. К сожалению, это число тяжелейших, невосполнимых потерь Советского Союза неокончательное. Предстоит продолжить кропотливую работу по восстановлению имён и судеб всех погибших: бойцов Красной Армии, партизан, подпольщиков, военнопленных и узников концлагерей, мирных граждан, уничтоженных карателями. Это наш долг. И здесь особая роль принадлежит участникам поискового движения, военно-патриотическим и волонтерским объединениям, таким проектам, как электронная база данных «Память народа», основанная на архивных документах. И, конечно, в решении такой общегуманитарной задачи необходимо тесное международное сотрудничество.

К победе вели усилия всех стран и народов, которые боролись с общим врагом. Британская армия защитила свою родину от вторжения, воевала с нацистами и их сателлитами на Средиземном море, в Северной Африке.

Американские и британские войска освобождали Италию, открывали Второй фронт. США нанесли мощные, сокрушительные удары агрессору на Тихом океане. Мы помним колоссальные жертвы китайского народа и его огромную роль в разгроме японских милитаристов. Не забудем бойцов «Сражающейся Франции», которые не признали позорную капитуляцию и продолжали борьбу с нацистами...

*И сегодня наша позиция остаётся неизменной: преступным деяниям пособников нацистов не может быть оправдания, им **нет срока давности**. ... А героизацию пособников нацистов могу рассматривать только как **предательство памяти наших отцов и дедов. Предательство тех идеалов, которые объединили народы в борьбе с нацизмом.***

*Тогда перед руководителями СССР, США и Великобритании стояла **без преувеличения историческая задача**. Сталин, Рузвельт, Черчилль представляли страны с различными идеологиями, государственными устремлениями, интересами, культурами, но проявили огромную политическую волю, поднялись над противоречиями и пристрастиями и поставили во главу угла истинные интересы мира. В результате они смогли прийти к согласию и достигнуть решения, от которого выиграло всё человечество.*

*Державы-победительницы оставили нам систему, которая стала **квинтэссенцией интеллектуальных и политических исканий нескольких столетий**. Серия конференций – Тегеранская, Ялтинская, Сан-Францисская, Потсдамская – заложили основу того, что мир вот уже 75 лет, несмотря на острейшие противоречия, живёт без глобальной войны...*

***Исторический ревизионизм**, проявления которого мы наблюдаем сейчас на Западе, причём прежде всего в отношении темы Второй мировой войны и её итогов, опасен тем, что грубо, цинично искажает понимание принципов мирного развития, заложенных в 1945 году Ялтинской и*

Сан-Францисской конференциями. Главное историческое достижение Ялты и других решений того времени заключается в согласии создать механизм, который позволил бы ведущим державам оставаться в рамках дипломатии при разрешении возникающих между ними разногласий.

...Именно поэтому державы-победительницы подошли к формированию новой системы миропорядка с предельной серьёзностью, чтобы не повторить ошибки предшественников.

Наш долг – всех тех, кто берёт на себя политическую ответственность, прежде всего представителей держав-победительниц во Второй мировой войне, – гарантировать, чтобы эта система сохранилась и совершенствовалась.

Не может быть сомнений, что саммит России, Китая, Франции, США и Великобритании сыграет важную роль в поиске общих ответов на современные вызовы и угрозы и продемонстрирует общую приверженность духу союзничества, тем высоким гуманистическим идеалам и ценностям, за которые плечом к плечу сражались отцы и деды.

Опираясь на общую историческую память, мы можем и должны доверять друг другу. Это послужит прочной основой для успешных переговоров и согласованных действий ради укрепления стабильности и безопасности на планете, ради процветания и благополучия всех государств. Без преувеличения, в этом заключается наш общий долг и ответственность перед всем миром, перед нынешним и будущими поколениями.

Таким образом, как показывают контексты, концепт «историческая память» репрезентируется в контексте значимых событий Великой Отечественной войны, а также мест, в которых происходили данные события, и участников этих событий.

2.3. Анализ средств вербализации концепта «историческая память» в российском медиапространстве

Формирование исторической памяти о Великой Отечественной войне во многом обеспечивается средствами массовой информации.

Средства массовой информации являются условием того, чтобы позднейшие поколения могли стать свидетелями давно уже прошедшего события, детали которого забыты. Они резко расширяют радиус принадлежности к числу современников. Благодаря материализации на носителях данных средства массовой информации обеспечивают живым воспоминаниям место в культурной памяти. Фотография, репортаж, мемуары и фильм архивируются в большом банке данных объективированного прошлого. Одна из задач СМИ – постоянно активизировать накопленные данные для устойчивого перевода информации в воспоминания.

Непосредственные носители памяти о войне уходят, и поэтому СМИ в настоящее время становятся одним из основных источников формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне.

В настоящее время достаточно острой проблемой становится искажение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны в общественном сознании жителей России и мирового сообщества. Для того чтобы не допустить пересмотра исторических событий 1941–1945 гг. необходимо рассказывать о событиях Великой Отечественной войны средствами массовой информации как на российском так и на международном уровне.

В СМИ складывается ситуация, когда трансформируются и радикально пересматриваются события и итоги Великой Отечественной войны. Некоторые исследователи отмечают, что «средства массовой информации, являясь источником формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне, не осознают своей социальной значимости в данном

процессе, поскольку происходит снижение и интереса к событиям Великой Отечественной войны, и уровня знаний о событиях Великой Отечественной войны» [92, с. 107].

В целом историческая память представляет собой набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломлённых рефлексий о событиях прошлого, особенно социального опыта, непосредственно в отношении народа. Историческая память также является видом коллективной памяти. Она проявляется в привычках, быту, культуре, отношении к другим народам, поколениям, политических предпочтениях, стремлении к независимости, может содержать цивилизационные архетипы и архетипы, свойственные только данному этносу. Перечисленное составляет содержательные характеристики исторической памяти. В основе содержательных характеристик исторической памяти – способность человека сохранять пережитое, благодаря чему осуществляется связь поколений. Структурно феномен «историческая память» включает все образующие концепт базовые компоненты и относится к значимым фрагментам русской концептосферы и языковой картины мира.

Данные лексикографических источников позволяют заключить, что память предстает как свойство не только сознания, но и души. Тем самым определяется соотнесённость анализируемого концепта с семантическим полем душа, совесть, мораль, так как именно память заставляет человека обращаться к уже пережитому действию, поступку, к прошлым размышлениям, делать соответствующие выводы и не повторять того, что имело негативный характер.

К основным признакам концепта «память», нашедшим отражение в толковых словарях, относятся следующие:

- 1) *способность человеческой души удерживать и воспроизводить в сознании события;*

- 2) *запас хранимых в сознании впечатлений прошлого;*
- 3) *мысль;*
- 4) *мораль, совесть.*

Данные признаки согласуются с содержательными характеристиками феномена «историческая память», а потому их можно считать признаками концепта «историческая память».

В ассоциативном аспекте, отражающем наивное представление «коллективного субъекта» о мире, историческая память предстаёт как способность человека сохранять пережитое, благодаря чему осуществляется связь поколений. Семантическая соотнесённость этических концептов память и совесть, память и долг, память и правда, выявленных по результатам ассоциативных экспериментов, указывает на то, что историческая память является не только носителем и накопителем информации, но и нравственным регулятором жизни человека. Она позволяет нам помнить о вечных ценностях, о хороших и плохих поступках.

Изучение и анализ особенностей неоднородного интерпретационного поля концепта «историческая память» и особенностей объективации данного концепта в рамках его интерпретационных сегментов в медиапространстве позволили заметить, что среди значимых событий самыми частотными особое внимание акцентируется на событиях Великой Отечественной войны.

В интерпретационное поле концепта «историческая память» входят следующие сегменты: *исторические события, образы людей, образы памятных мест*. Данные сегменты наиболее частотны при объективации данного концепта в медиапространстве. Они объединены двумя важными параметрами – **«карта памяти»** (исторические события, которые признаются важнейшими в истории страны) и **«ландшафт памяти»** (география сюжетов исторической памяти).

Для выявления средств вербализации концепта «историческая память» в медиапространстве мы проанализировали репортажи итоговых новостных передач федеральных каналов «Первый канал», «Россия-1» и «Россия-24», «Пятый канал», крупнейшего российского медиахолдинга «РБК», репортажи газет «Аргументы и факты», «Российская газета», охватив интервал с 1 января 2020 года по 1 октября 2021 года. Среди проанализированных материалов наибольшее число упоминаний об исторической памяти связано с событиями Великой Отечественной войны и Второй мировой войны. Таких репортажей среди проанализированных оказалось 530.

На следующем этапе мы провели статистический анализ тематики отобранных репортажей по направлениям «карта памяти» и «ландшафт памяти». В результате данного анализа была определена следующая частотность:

1. Параметр «карта памяти». Частотность упоминаний выглядит так: Частотность упоминаний значимых событий выглядит так: *Битва за Москву (68), Сталинградская битва (62), Блокада Ленинграда (41), сражение на Курской дуге (34), форсирование Днепра (26), битва за Берлин (17), высадка в Нормандии (9)*.

2. Параметр «ландшафт памяти». Примеры по частотности упоминаний:

1) во-первых, география сюжетов исторической памяти включает события, перечисленные в рамках параметра «карта памяти» и, соответственно, упомянутые выше цифры повторяются;

2) во-вторых, перечисленные события дополняются следующими сюжетами: *освобождение узников концлагеря «Биркенау» («Аушвиц») в польском городе Освенцим (18), освобождение Европы (39), сражение под Прохоровкой (23)*.

В рамках вербализации анализируемого концепта актуальны образы военнослужащих: военачальников и простых солдат. Частотность упоминаний: *маршал Жуков (184), Сталин (189), маршал Рокоссовский (34), снайпер Людмила Павличенко (снайпер) (23), Зоя Космодемьянская (56), лётчик Алексей Маресьев (9)*.

Когнитивные признаки концепта «историческая память», которые были выявлены по материалам проанализированных медиатекстов:

1. ***Историческая память как защита национальных интересов*** фиксируется с помощью следующих языковых средств: заголовки «*Историческая правда о Великой Отечественной войне в наших интересах*», «*Историческая память – гарант национальных интересов*» и др.
2. ***Историческая память как фактор мира***: словосочетания общие угрозы, вселять уверенность в победе сил мира, сдерживающий фактор, фактор предотвращения третьей мировой войны; заголовки «*Историческая память – предостережение от «рискованных» экспериментов против человечности*» и др.
3. ***Историческая память как мировая ценность и народный долг*** (средства вербализации: словосочетания, которые носят достаточно частотный характер: *память народная, священная, вечная*; заголовки «*Сбережём память о победах!*», «*Чтобы помнили...*», «*Никто не забыт, ничто не забыто*», «*Мемуары, написанные кровью*», «*Дорога жизни – дорога памяти*», «*Забыть о войне – забыть о своём долге*», «*Об этом забывать нельзя!*», «*Вечная память героям Великой Победы!*» и др.
4. ***Историческая память как связь между прошлым и будущим*** (средства вербализации: *мост между прошлым и настоящим*;

заголовки *«Без прошлого нет будущего», «Кто не помнит прошлого, у того нет будущего», «Если мы забудем наше прошлое, у нас не будет будущего», «Забывать историю о Великой Отечественной войне – уничтожить свою идентичность», «Историческая идентичность держится на памяти о Великой Отечественной войне»* и др).

5. ***Историческая память как объект информационной деформации*** (средства вербализации: искажение исторической памяти на Западе рассматривается как марать память, искажение исторической памяти, разрушение исторической памяти, обезображивание исторической памяти, преступная ложь, непростительная чушь, опасная недальновидность, плевок в лицо воевавшим», «разрушительная природа фашизма, возрождающаяся в новых формах»; заголовки *«Мы не должны забывать, к чему ведёт расовая и этническая ненависть», «Не помнить войны и искажать историческую память – рискованные западные эксперименты», «Искажение исторической памяти о Второй мировой войне – преступление против человечности!»* и др.

Контекстуальным синонимом *«исторической памяти»* практически в контексте всех перечисленных когнитивных признаков выступает *историческая правда*. Ср. заголовки и фрагменты репортажей: *«Благополучие и стабильность мира – в сохранении исторической правды», «Без исторической правды нет будущего», «Сохранить историческую правду о Великой Отечественной войне и Второй мировой войне – священный долг мирового сообщества», «Политические элиты Запады несут ответственность за искажение исторической правды»* и др.

Вербализация концепта *«историческая память»* в медиапространстве происходит через совокупность концептов *долг, честь, совесть, подвиг,*

патриотизм, слава и др., которые также являются фиксаторами выявленных когнитивных признаков и распознаются в контекстах. Ср.:

Экспрессивными языковыми средствами, фиксирующими когнитивные признаки концепта «историческая память», являются многочисленные эпитеты, метафоры, противопоставления, антитезы. Например: *антитезы «память – забвение», «война – мир», «человечность – бесчеловечность», «фашизм – антифашизм», «прошлое – будущее», «жизнь – смерть», «Советский Союз – Германия»* и др. Ср.: *«Наша задача – сделать все, чтобы память об этом не померкла. ...Что, они не знают, что не Советский Союз напал на фашистскую Германию, а фашистская Германия напала 22 июня 1941 года на Советский Союз? Что, это неизвестно, что ли? Все всё знают. Они разве не знают, кто добывал фашистскую гадину в ее логове, кто штурмом брал Берлин? Знают, конечно, но в учебниках не пишут. Что, неизвестно, кто наносил ядерные удары по Хиросиме и Нагасаки? Известно. Но в учебниках в Японии что пишут: союзники. Какие союзники? У союзников не было никакого ядерного оружия, оно было только у Соединенных Штатов».*

В репрезентации исторической памяти участвуют объединённые в триады понятия, например: *«прошлое – настоящее – будущее», «долг – честь – достоинство»* и др. Ср. также заголовки в виде пословиц и поговорок или в виде их фрагментов и трансформаций: *«Сражались насмерть – завоевали бессмертие»* (пословица *«Драться насмерть – завоевать бессмертие»*), *«Героям нет смерти»* («Герою нет смерти»); фрагменты из текстов: *«Память о героях остаётся»* («Герой умирает – о себе память оставляет»), *«Герои погибли – память о них осталась»* («Богатырь умрёт – имя его останется»). *«Погиб героически – слава осталась»* («Если герой и умирает, слава остаётся») и др.

Таким образом, средства вербализации концепта «историческая память» организуются в сложную систему, в которой данный феномен

получает образные, метафорические, символические переосмысления и репрезентируется посредством разнообразных образно-выразительных средств и в совокупности с другими концептами.

Выводы по главе II

В рамках второй главы, посвящённой описанию вербальных средств концепта «историческая память» в медиапространстве, были: а) определены структура и содержание концепта «историческая память» в русской языковой картине мира; б) аргументированы принципы отбора контекстов, отражающих признаки концепта «историческая память» в медиапространстве; в) описаны средства вербализации концепта «историческая память» в разных аспектах медиапространства.

В рамках данной части работы мы пришли к следующим **выводам**:

1. Для выявления средств вербализации концепта «историческая память» в медиапространстве мы проанализировали репортажи итоговых новостных передач федеральных каналов «Первый канал», «Россия-1» и «Россия-24», «Пятый канал», крупнейшего российского медиахолдинга «РБК», репортажи газет «Аргументы и факты», «Российская газета», охватив интервал с 1 января 2020 года по 1 октября 2021 года. Среди проанализированных материалов наибольшее число упоминаний об исторической памяти связано с событиями Великой Отечественной войны и Второй мировой войны. Таких репортажей среди проанализированных оказалось 530.
2. В результате статистического анализа тематики отобранных репортажей по направлениям «карта памяти» и «ландшафт памяти» была определена следующая частотность:
 1. Параметр «карта памяти». Частотность упоминаний выглядит так: Блокада Ленинграда (78), Битва за Москву (61), Сталинградская битва (62), сражение на Курской дуге (54), форсирование Днепра (56), битва за Берлин (47), высадка в Нормандии (49).
 2. Параметр «ландшафт памяти». Примеры по частотности упоминаний:

1) во-первых, география сюжетов исторической памяти включает события, перечисленные в рамках параметра «карта памяти» и, соответственно, упомянутые выше цифры повторяются;

2) во-вторых, перечисленные события дополняются следующими сюжетами: освобождение узников концлагеря «Биркенау» («Аушвиц») в польском городе Освенцим (18), освобождение Европы (39), сражение под Прохоровкой (23).

Помимо приведённых параметров, в репрезентации концепта «историческая память» особое место занимают персоналии. Ср. частотность упоминаний: маршал И.В. Сталин (189), маршал Жуков (184), маршал Рокоссовский (54), снайпер Людмила Павличенко (23), Зоя Космодемьянская (46), лётчик Алексей Маресьев (9) и др.

На основе проанализированных материалов были выявлен ряд когнитивных признаков. Ниже представлены данные когнитивные признаки и проанализированы средства их фиксации.

1. Историческая память как защита национальных интересов. Данный когнитивный признак фиксируется с помощью следующих языковых средств: заголовки «Историческая правда о Великой Отечественной войне в наших интересах», «Историческая память – гарант национальных интересов» и др.

2. Историческая память как фактор мира. Языковые средства фиксации: словосочетания общие угрозы, вселять уверенность в победе сил мира, сдерживающий фактор, фактор предотвращения третьей мировой войны; заголовки «Историческая память – предостережение от «рискованных» экспериментов против человечности», «Думаю, эта массовая историческая память стала одним из важнейших факторов предотвращения новой мировой бойни» и др.

3. Историческая память как мировая ценность и народный долг. Средства вербализации: словосочетания, которые носят достаточно частотный характер: память народная, память священная, память вечная; заголовки «Сбережём память о победах!», «Чтобы помнили...», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Мемуары, написанные кровью», «Дорога жизни – дорога памяти», «Забыть о войне – забыть о своём долге», «Об этом забывать нельзя!», «Вечная память героям Великой Победы!» и др.

4. Историческая память как связь между прошлым и будущим. Средства вербализации: историческая память – мост между прошлым и настоящим; заголовки «Без прошлого нет будущего», «Кто не помнит прошлого, у того нет будущего», «Если мы забудем наше прошлое, у нас не будет будущего», «Забыть историю о Великой Отечественной войне – уничтожить свою идентичность», «Историческая идентичность держится на памяти о Великой Отечественной войне», «Будущее нуждается в памяти о прошлом» и др.

5. Историческая память как объект западного искажения. Средства вербализации: искажение исторической памяти на Западе рассматривается как марать память, искажение исторической памяти, обезображивание исторической памяти, преступная ложь, опасная недалёковидность, плевков в лицо воевавшим», «разрушительная природа фашизма, возрождающаяся в новых формах»; заголовки *«Мы не должны забывать, к чему ведёт расовая и этническая ненависть»*, *«Не помнить войны и исказить историческую память – рискованные западные эксперименты»*, *«Искажение исторической памяти о Второй мировой войне – преступление против человечности!»* и др.

Контекстуальным синонимом «*исторической памяти*» практически в контексте всех перечисленных когнитивных признаков выступает *историческая правда*. Ср. заголовки и фрагменты репортажей: *«Благополучие и стабильность мира – в сохранении исторической правды»*, *«Без*

исторической правды нет будущего», «Сохранить историческую правду о Великой Отечественной войне и Второй мировой войне – священный долг мирового сообщества», «Политические элиты Запада несут ответственность за искажение исторической правды» и др.

Вербализация концепта «историческая память» в медиапространстве происходит через совокупность концептов *долг, честь, совесть, подвиг, патриотизм* и др., которые также являются фиксаторами выявленных когнитивных признаков и идентифицируются в контексте.

Экспрессивными языковыми средствами, фиксирующими когнитивные признаки концепта «историческая память», являются многочисленные эпитеты, метафоры, противопоставления, антитезы *«память – забвение», «война – мир», «человечность – бесчеловечность»* и др.

Средства вербализации концепта «историческая память» организуются в сложную систему, в которой данный феномен получает образные, метафорические, символические переосмысления и репрезентируется посредством разнообразных образно-выразительных средств и в совокупности с другими концептами.

Заключение

Целью данной работы было выявление и описание языковых средств, отражающих признаки концепта «историческая память» в медиапространстве.

Нами были рассмотрены понятия «медиапространство», «концепт», «историческая память», проанализированы подходы к определению данных понятий, концепт был рассмотрен как фрагмент медиапространства, а также были приведены характеристики факторов концептуализации феномена «историческая память» в медиапространстве, выявлены и описаны средства объективации концепта «историческая память» в медиапространстве.

В результате проведенного исследования нами были сделаны следующие выводы:

1. Сущность медиапространства заключается в следующих его характеристиках:

- ядро медиапространства – СМИ;
- СМИ формируют разные виды пространств: социальное, культурное, образовательное и другие;
- медиапространство – ретранслятор особенностей национальной картины мира, в нем объективируются значимые её фрагменты, в том числе и многомерные ментальные образования – концепты.

2. Историческая память представляет собой набор передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, рефлексий о событиях прошлого, особенно социального опыта, непосредственно в отношении народа. Она является видом коллективной памяти. Структурно феномен «историческая память» включает все образующие концепт базовые

компоненты и относится к значимым фрагментам русской концептосферы и языковой картины мира.

3. В интерпретационное поле концепта «историческая память» входят следующие сегменты: исторические события, образы людей, образы памятных мест. Данные сегменты наиболее частотны при объективации концепта в медиaprостранстве. Они объединены параметрами – «карта памяти» (исторические события, которые признаются важнейшими в истории страны) и «ландшафт памяти» (география сюжетов исторической памяти).

4. Материал исследования составили новостные передачи федеральных каналов «Первый канал», «Россия-1» и «Россия-24», «Пятый канал», медиахолдинга «РБК», газет «Аргументы и факты», «Российская газета» за период с 1 января 2020 года по 1 октября 2021 года. Наибольшее число упоминаний об исторической памяти связано с событиями Великой Отечественной войны и Второй мировой войны. Таких репортажей среди проанализированных оказалось 534.

5. По материалам проанализированных медиатекстов были выявлены следующие когнитивные признаки концепта «историческая память»:

1) Историческая память как защита национальных интересов фиксируется с помощью следующих языковых средств: заголовки *«Историческая правда о Великой Отечественной войне в наших интересах»*, *«Историческая память – гарант национальных интересов»* и др.

2) Историческая память как фактор мира: словосочетания общие угрозы, сдерживающий фактор, фактор предотвращения третьей мировой войны; заголовки *«Историческая память – предостережение от «рискованных» экспериментов против человечности»*.

3) Историческая память как мировая ценность и народный долг. Средства вербализации: 1) словосочетания, которые носят достаточно частотный характер: *память народная, священная, вечная*; заголовки *«Сбережём память о победах!», «Чтобы помнили...», «Никто не забыт, ничто не забыто», «Мемуары, написанные кровью».*

4) Историческая память как связь между прошлым и будущим. Средства вербализации: мост между прошлым и настоящим; заголовки *«Без прошлого нет будущего», «Кто не помнит прошлого, у того нет будущего», «Историческая идентичность держится на памяти о Великой Отечественной войне»* и др.

5) Историческая память как объект информационной деформации. Средства вербализации: искажение исторической памяти на Западе рассматривается как *марать память, искажение/разрушение/обезобразивание исторической памяти, преступная ложь, непростительная чушь, опасная недалёковидность, плевок в лицо воевавшим*; заголовки *«Не помнить войны и искажать историческую память – рискованные западные эксперименты», «Искажение исторической памяти о Второй мировой войне – преступление против человечности!».*

6. Контекстуальным синонимом «исторической памяти» практически в рамках всех перечисленных когнитивных признаков выступает историческая правда. Примеры заголовков и фрагментов репортажей: *«Благополучие и стабильность мира – в сохранении исторической правды», «Без исторической правды нет будущего», «Сохранить историческую правду о Великой Отечественной войне и Второй мировой войне – священный долг мирового сообщества», «Политические элиты Запада несут ответственность за искажение исторической правды».*

7. Вербализация концепта «историческая память» в медиапространстве происходит через совокупность концептов долг, честь, совесть, подвиг, патриотизм, слава и др., которые также являются фиксаторами выявленных когнитивных признаков и распознаются в контекстах. Ср.:

8. Экспрессивными языковыми средствами, фиксирующими когнитивные признаки концепта «историческая память», являются многочисленные эпитеты, метафоры, противопоставления, антитезы. Например: антитезы «*память – забвение*», «*война – мир*», «*человечность – бесчеловечность*», «*фашизм – антифашизм*», «*прошлое – будущее*», «*жизнь – смерть*».

9. Частотны заголовки в виде пословиц и поговорок или в виде их фрагментов и трансформаций:

- заголовок «*Сражались насмерть – завоевали бессмертие*» – пословица «*Драться насмерть – завоевать бессмертие*»;
- заголовок «*Героям нет смерти*» – пословица «*Герою нет смерти*»;
- заголовок «*Память о героях остаётся*» – пословица «*Герой умирает – о себе память оставляет*».

Таким образом, мы выявили, что средства вербализации концепта «историческая память» организуются в сложную систему, в которой данный феномен получает образные, метафорические, символические переосмысления и репрезентируется посредством разнообразных образно-выразительных средств и в совокупности с другими концептами.

В ходе исследования были выполнены все задачи и достигнута поставленная цель.

Список литературы

1. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянск. культуры, 2004. - 368 с.
3. Астафьева О.Н. Медиакультура и некоторые принципы формирования информационно-коммуникативного пространства // Сборник материалов I Международной научной конференции «Судьба России: вектор перемен», Екатеринбург, 8-10 июня 2007 года. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ural-yeltsin.ru/knigi/rossija_na_rubezhe/document633/ Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. - М.: Кругъ, 2006, с.47-55. http://ec-dejavu.ru/c-2/Cultural_Memory.html (дата обращения: 07.07.2021).
4. Астафьева О. Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. — М.: Совпадение, 2015. — С. 95-114.
5. Афанасьева О.М. Анализ лексической сочетаемости слова «честь» (на материале российских СМИ) и профессиональная честь журналиста // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2015. Вып. 94. № 5 (360). С. 357–365
6. Афанасьева О.М. Отражение регулятивных концептов в современном медиапространстве (на материале газеты «Известия» 2019 г.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019. № 9. – С. 142-150.

7. Афанасьева О. М. Концепт «Кот» в современном медиапространстве (на материале российских СМИ 2000–2020 гг.) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 2 (36). С 136-147.
8. Афанасьева О. М. Концепт «нравственность» в современном медиапространстве // URL: <https://docplayer.ru/71143454-Koncept-nravstvennost-v-sovremennom-mediaprostranstve.html> (дата обращения: 07.07.2021).
9. Ахметшина А.В. Понятие «историческая память» и ее значение в современном Российском обществе// Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 6(38). – Новосибирск: СибАК, 2014.
10. Буллер Андреас, Линченко А. А. Культурная память как предмет философского осмысления // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 5-18. URL: https://roii.ru/dialogue/66/roii-dialogue-66_1.pdf (дата обращения: 07.07.2021).
11. Буряк М.А. Медиафера: концептуализация понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2014. Вып. 2. С. 200-212. <https://cyberleninka.ru/article/n/mediasfera-kontseptualizatsiya-ponyatiya> (дата обращения: 12.05.2021).
12. Вартанова Е.Л. К вопросу о медиаисследованиях как актуальной области научного знания // Медиаальманах. 2015. № 2 (67). С. 8–10.
13. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: монография. М.: Языки русской культуры, 1999. 777 с.
14. Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. Вып. 30. 2010. С. 5-13.
15. Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»:

- Программа. Тезисы докладов и сообщений. – Санкт-Петербург: ЭЙДОС, АСТЕРИОН, 2008. – 560 с.
- 16.Высокова В. В. Память как исторический феномен // Память культуры и культура памяти. 2008. С. 317-322. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22784/1/iurg-2008-59-31.pdf> (дата обращения: 07.07.2021).
- 17.Глущенко Г. Ю. История versus память: к проблеме взаимосвязи истории и памяти // Философская мысль. — 2018. – № 1. – С.37-50. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.1.21578. URL: http://enotabene.ru/fr/article_21578.html (Дата обращения: 07.07.2021).
- 18.Джибилов А.О. Медиа-пространство Закавказья и его роль в политической стабильности региона: автореф. дис. .. канд. полит. наук. – СПб, 2005; Ибраева, Г.Ж., Петренко, С.Ю., Булуктаев, Ю.О. Экспертная оценка медиапространства Казахстана. – Алматы, 2004; Медиапространство СНГ – эффективный инструмент сотрудничества // <http://www.sknews.ru/print:page,1,15148-mediaprostranstvo-sngieffektivnyjj.html>» (дата обращения; 18.06.2021).
- 19.Дзялошинский, И. Информационное пространство России: структура, особенности функционирования, перспективы эволюции. – М.: Моск. Центр Карнеги, 2001. – 30 с.
- 20.Дзялошинский И. М. Медиапространство России: пробуждение Соляриса. Монография / И.М. Дзялошинский. – М.: АПК и ППРО, 2012. – 422 с.
- 21.Дзялошинский И. М. Современное медиапространство России: Учеб. пособие для студентов вузов / И. М. Дзялошинский. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 312 с.
- 22.Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. - М., 2008. - 264 с.
- 23.Загидуллина М.В. Эколингвистическая концепция медиапространства // Медиасреда. 2016. С. 8-13.

- <https://cyberleninka.ru/article/n/ekolingvisticheskaya-kontsepsiya-mediaprostranstva> (дата обращения: 26.08.2021).
24. Засурский Я.Н. Искушение свободой. Российская журналистика: 1990-2004. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 464с.
25. Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 301 с.
26. Зубанова Л.Б. Современное медиапространство: подходы к пониманию и принципы интерпретации // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2008. – № 2 (14). – С.6-17.
27. Ивченков В.И. Дыскурс беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту. – Мн.: БДУ, 2003. – 257 с.
https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/18590/1/Ivchenkov_Diskurs.pdf
(дата обращения: 14.05.2021).
28. Имя собственное в медиапространстве: монография / Л. И. Гришаева, О. О. Борискина, Н. А. Фененко, В.Н. Абабий, В. Г. Шимко ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2019. – 191 с.
29. Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. – 508 с.
30. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. М.: Гнозис, 2004.
31. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3–16.
32. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность; культурные концепты. – Волгоград ; Архангельск : Перемена, 1996. – С. 3–16.

33. Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95–108.
34. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
35. Касьян Л. А. Термин «концепт» в современной лингвистике: различные его толкования // Вестник Югорского государственного университета. 2010. Вып. 2 (17). С. 50-53.
36. Кириллова Н.Б. Многообразие культур в глобальном медиапространстве//Известия УрГУ. – 2006. – № 47. – С. 58-68.
37. Клушина Н. И. Медиастилистика: монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 184 с.
38. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. С. 23-32. <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-osnovnyye-tendentsii-ee-izucheniya> (дата обращения: 07.07.2021).
39. Кимелёв Ю.А. Современная философско-религиозная антропология. Наука, 1985.- 144 с. https://vk.com/doc196131131_462783195 (дата обращения: 12.05.2021).
40. Королева Т. Г. История и память. Исследования исторической памяти. – URL: <http://ross-ural.ru/articles/istoriya-i-pamyat-isslyedovaniya-istorichyeskoj-pamyati/> (дата обращения: 07.07.2021).
41. Красных В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // https://istina.msu.ru/media/publications/articles/ed4/1a0/3179765/Krasnyih-Kultura_KP_i_LK_-_kult.ident-ya.pdf (дата обращения: 07.07.2021).
42. Кузнецова А.В. К определению понятия медиатекста // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. – № 5. – С. 141-145. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-mediateksta> (дата обращения: 12.05.2021).

43. Кузнецова Л.В., Викулина М.А. Особенности концептуализации образа России в англоязычных СМИ // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 17 (815). С. 95-108. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kontseptualizatsii-obraza-rossii-v-angloyazychnyh-smi> (дата обращения: 27.08.2021).
44. Кулибаба, С.И. Медиапространство и трансляция духовных ценностей // Сборник материалов I Международной научной конференции «Судьба России: вектор перемен», Екатеринбург, 8-10 июня 2007 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ural-yeltsin.ru/usefiles/media/Kulibaba.doc>.
45. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. — М.: Совпадение, 2015. — 168 с. http://newrik.ru/wp-content/uploads/2016/07/MONOGR_27-07-15_2.pdf (дата обращения: 07.07.2021).
46. "Культура памяти": помнить – значит смотреть вперед // <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/geschichte/Gedenkdaten/erinnerungskultur-interview/1925106> (дата обращения: 07.07.2021).
47. Лебедева Г. В. Память и забвение как феномены культуры: Автореферат дис... канд. филос. н. – Екатеринбург, 2006. – 26 с.
48. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59-96.
49. Леонтьева О.Б., Репина Л.П. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // ЭНОЖ «История». 2015. Т. 6. Выпуск 9 (42) URL: <http://history.jes.su/s207987840001259-3-1> (дата обращения: 07.07.2021).
50. Линченко А.А., Беляева Е.В. Союзное государство – общая память? Этические основания исторической политики России и Беларуси в XXI

- веке // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 97–111. doi:
10.24411/1817-9568-2020-10206 // https://www.madipi.ru/images/uploads/97-111_Линченко_Беляева.pdf
(дата обращения: 07.07.2021).
51. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. В. П. Нерознака. М., 1997.
52. Логунова Л.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 1, ч. 2. – С. 227-253. – URL: <https://ideaidealy.nsuem.ru/storage/uploads/2019/02/227-253.pdf> (дата обращения: 07.07.2021).
53. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
54. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.
55. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 255 с.
56. Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: учебное пособие. М.: Издательский центр Academia, 1996 – 192 с. <https://www.pseudology.org/reklama/Ritorika/RuskiySokrat.pdf> (дата обращения: 04.05.2021).
57. Монастырёва О.В. Медиапространство: обзор представлений и подходов к пониманию // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaprostranstvo-obzor-predstavleniy-i-podhodov-k-ponimaniyu> (дата обращения: 12.06.2021).
58. Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. – М.: Аванти плюс, 2003. – 428 с.
59. Ним Е. Г. Медиапространство: основные направления исследований // Бизнес. Общество. Власть. – 2013. – № 14. – С. 31–41. URL:

- <https://www.hse.ru/mag/27364712/2013--14/83292427.html> (дата обращения: 07.07.2021).
60. Нора П. Всемирное торжество памяти. // Память о войне 60 лет назад: Россия, Германия, Европа. – М., 2005. – С. 391.
61. Орлова Э.А. Рекомендации по работе со средствами массовой информации в рамках Национальной программы поддержки и развития чтения. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 72 с.
62. Пахомова Ю.Н. Концептуальная картина мира в отечественных СМИ // Веснік БДУ. Сер. 4. 2012. № 1. С. 83-86. <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/44570/1/83-86.pdf> (дата обращения: 12.05.2021).
63. Поздеева Н. С. Коммуникативно-дискурсивные признаки концепта ОДИНОЧЕСТВО: АКД... канд. филол. н. – Архангельск, 2013. – 22 с. URL: <https://narfu.ru/upload/iblock/359/pozdeeva.pdf> (дата обращения: 07.07.2021).
64. Пономарев Н.Ф. Связи с общественностью: социально-психологические аспекты: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2008. – 208 с.
65. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006.
66. Попова З. Д. Лексическая система языка [Текст] / З. Д. Попова, Н. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 145 с.
67. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 30 с.
68. Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: Научное издание [Текст] / З. Д. Попова, К. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 226 с.

- 69.Постовалова В.И. Существует ли языковая картина мира? // Сб. науч. тр. – М., 1987. – С. 65–72. или: Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
- 70.Проказина Н.В. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс патриотического и гражданского воспитания / Проказина Н.В., Дорохова Ю.В., Хатнюк Н.Н. // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. №3. С. 260-271. <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-kak-resurs-patrioticheskogo-i-grazhdanskogo-vospitaniya> (дата обращения: 21.07.2021).
- 71.Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М., 2008.
- 72.Поцелуев С.П. Историческая память в контексте российского нациестроительства (по страницам одного регионального опроса) // Политика и общество. – 2016. – № 11 (143). – С. 1499-1509. – URL: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=38950 (дата обращения: 07.07.2021).
- 73.Рагозина Т.Э. Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. – 2017. – № 3 (15). – С. 12-21. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-pamyat-versus-istoricheskaya-pamyat> (дата обращения: 07.07.2021).
- 74.Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153 (кн. 3). – С. 191-201. – URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/26114/153_3_gum_21.pdf (дата обращения: 07.07.2021).
- 75.Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. 2012. С. 3-37. http://roii.ru/publications/crises/article/1/repina_1.p/ (Дата обращения: 07.07.2021).

- 76.Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Память – идентичность – знание. С. 9-15. URL: https://roii.ru/dialogue/54/roii-dialogue-54_1.pdf (дата обращения: 07.07.2021).
- 77.Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. - С. 5-18.
- 78.Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и Новейшая история. 2004. № 5. С. 33-45.
- 79.Репина Л.П. Социальные кризисы и катаклизмы в исторической памяти: теория и практика исследований // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2008–2013 год. - М.: Наука, 2014. - С. 206-231.
- 80.Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. - 728 с.
- 81.Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
- 82.Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2014. № 2. С. 106—126. <http://vestnik.spbu.ru/html14/s02/s02v2/11.pdf> (Дата обращения: 07.07.2021).
- 83.Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // “Цепь времен”: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005.
- 84.Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2005. – С. 170-220. – URL: https://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya (дата обращения: 07.07.2021).

85. Сидорова Л.О. Концептуальные подходы к понятию «Историческая память» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 4 (48). – С. 81–86. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-podhody-k-ponyatiyu-istoricheskaya-pamyat> (дата обращения: 07.07.2021).
86. Скоробогатова Т.И. Фразеология и историческая память: интериоризация нового знания в лингвистике на материале французского языка // <https://www.dissercat.com/content/frazeologiya-i-istoricheskaya-pamyat>
87. Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры. СПб., 2002. 383 с.
88. Соколова М. В. Концепция исторической памяти в контексте эволюции гуманитарного знания // Вестник КазНПУ. – Алматы, 2012. – URL: <https://articlekz.com/article/10898> (дата обращения: 07.07.2021).
89. Соколова М.В. Что такое историческая память // Преподавание истории в школе. <https://pish.ru/blog/archives/142> (дата обращения: 07.07.2021).
90. Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе: коллективная монография / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Издательство Московского университета, 2000. С. 10–16.
91. Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. М.: Издательский центр «Академия», 2006.
92. Старых Н.П. Средства массовой информации как источник формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне // Вестник государственного и муниципального управления. – 2014. – № 4 (15). – С. 104-108. – <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-massovoy-informatsii-kak-istochnik-formirovaniya-istoricheskoy-pamyati-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-1> (дата обращения: 13.08.2021).
93. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю. С. Степанов. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.

94. Суздальцев, Н. В. Историческая память как регулятор социального поведения / Н. В. Суздальцев, А. Ф. Пантелеев // Молодой ученый. — 2020. — № 25 (315). — С. 358-361. — URL: <https://moluch.ru/archive/315/71890/> (дата обращения: 07.07.2021).
95. Титова Ю.В. Структура концепта и методы его описания // Вестник Ульяновского государственного технического университета. — 2010. — № 4. — С. 16-21. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-kontsept-a-i-metody-ego-opisaniya> (дата обращения: 07.07.2021).
96. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013.
97. Тюкина Л.А. Память и историческая память: соотношение понятий // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 1 (20). С. 181-187. https://vv.yspu.org/wp-content/uploads/sites/4/2020/03/VFV-№1-2020_V-РЕСНАТ-181-187.pdf (дата обращения: 07.07.2021).
98. Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в контексте коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 96-120.
99. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина. — М.: Новое издательство, 2007. С. 10, С. 8-27.
100. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Изд-во Владимир Даль, 2004. С. 191-208.
101. Хлопаева Н.А. Социологические медиа-исследования в информационном обеспечении управленческой деятельности. Автореф. дис. ...канд. социол. наук. — М., 2007.
102. Чистякова В.О. «Память о войне» как элемент национальной идеи (опыт отечественного кинематографа 1911—2011 гг.) // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография / Новый

- ин-т культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. — М.: Совпадение, 2015.— С. 115-131.
103. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие. М., 2006.
104. Ширяева К. И., Амиров В. М. Концепты государственной пропаганды в СМИ // Журналистика и массовые коммуникации. — 2016. — С. 43-49. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39818/1/iurp-2016-150-05.pdf> (дата обращения: 07.07.2021).
105. Шуб М. Л. Социальная, коллективная и культурная память: новый подход к определению смысловых границ понятий // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 1. С. 4-11.
106. Шулятиков И. С. Термин «Концепт» в современной лингвистике // Вестник Вятского государственного университета. 2015.
107. XX век: культура памяти: Материалы к межрегиональной научной конференции «XX век: культура памяти (рефлексии и образы)». Пермь, 17 июня 2016 г. / отв. ред. О. Л. Лейбович; Пермский государственный институт культуры. — Пермь, 2016. — 144 с.
108. Юдина Е.Н. Медиапространство как культурная и социальная система. Монография. — М.: Прометей, 2005. — 160 с.
109. Юдина Е.Н. Развитие медиапространства современной России (на примере телевидения): Автореф. дис. ...д-ра социол. наук. — М., 2008.
110. Язык и моделирование социального взаимодействия: Сборник статей / Общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987.

Словари

111. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.Л. Кузнецов. - СПб.: «Норинт», 2000.
112. Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов. 10 500 синонимов/Под ред. Л.Г. Бабенко. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. - 784 с.

113. Большой психологический словарь. — М.: Прайм-ЕВРОЗНАК. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. 2003.
114. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / гл. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002 – 1008 с.
115. Горбачевич К. С. Русский синонимический словарь. - СПб.: ИЛИ РАН. 1996.-512 с.
116. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - 2-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 2001 - Т. 1: А - О. - 1232 с. - (Б-ка словарей рус. яз.).
117. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. - 2-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 2001 - Т. 2: П - Я. - 1088 с. - (Б-ка словарей рус. яз.).
118. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1997.
119. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Авторы словарных статей: В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. — Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004 г. – 1488 с.
120. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. -М.: Рус. яз., 1991.
121. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. — М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 784 с.

122. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций/Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. - М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 992 с.
123. Русский идеографический словарь // <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5485> (дата обращения: 28.01.2021).
124. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений/РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Азбуковник, 2003.
125. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981 —1984.
126. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. - Ленинград: Издательство «Наука», 1970.
127. Социологический словарь. — М.: Экономика. Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. 2004.
128. Толковый словарь русского языка: В 3 т. / Под ред. Проф. Д.Н. Ушакова. — М.: Вече, Мир книги.

Приложение

Примеры контекстов об исторической памяти о Великой Отечественной войне и Второй мировой войне

(В. Кузьмин. Сохранение исторической памяти – задача абсолютно государственной важности // Российская газета. 01.09.2020. <https://rg.ru/2020/09/01/putin-nazval-zadachej-gosudarstvennoj-vazhnosti-sohranenie-pamiati.html>):

Сохранение памяти президент Владимир Путин считает задачей абсолютно государственной важности. "Чтобы, опираясь на эту память и на нашу героическую историю, уверенно двигаться вперед, в будущее", - заявил он, выступая перед школьниками на Всероссийском открытом уроке. «В современном мире, с сожалением обратил глава государства внимание, встречаются попытки переписать эту историю. Связано это с желанием создать сегодня условия для изменения тех правил жизни, которые возникли после Второй мировой войны». "Кто-то забывает, что именно фашистская Германия напала на Советский Союз ранним утром 22 июня 1941 года, а не наоборот, - напомнил президент. - Кто-то забывает, что свыше 80 процентов техники и живой силы противника Красная Армия перемолола именно на восточном фронте. Кто-то забывает, кто брал штурмом Берлин - это были советские войска".

Е. Мирошниченко. Путин заявил о важности исторической памяти для любого народа // Взгляд. Деловая газета. 22.08.2021 // <https://vz.ru/news/2021/8/22/1115006.html>

Историческая память «важна для любого народа, если он хочет сохраниться», поэтому государство будет поддерживать волонтерское движение, в том числе в области увековечивания памяти о подвигах предков, заявил президент России Владимир Путин на встрече с представителями партии «Единая Россия».

«Волонтерское движение – чрезвычайно важное направление работы, спасибо вам большое за то, что вы это делаете. Историческая память важна для любого народа, если он хочет сохраниться и иметь будущее», – сказал он, реагируя на выступление руководителя организации «Волонтеры Победы» Ольги Амельченковой, передает ТАСС.

«Историческая память важна не для тех, кого уже нет, их нет, важна для нас и для наших детей. Вот в чем дело, вот почему так значимо то, что вы делаете», – отметил глава государства, а также добавил, что «мы всячески будем это поддерживать на государственном уровне».

В пример сохранения исторической памяти Путин привел акцию «Бессмертный полк», назвав ее "рекой памяти, гордости" и благодарности предкам.

«Такой феномен сегодняшнего дня у нас – так называемый Бессмертный полк. Это же не полк, [полк] это только название, это река, человеческая река, река памяти, гордости, благодарности нашим предкам за то, что они для нас сделали, и надежды на лучшее будущее», – отметил он.

По мнению главы государства, «чтобы эта надежда была реализована, нужно, чтобы будущий состав Госдумы, ее ядро, «Единая Россия» эффективно работали».

Ранее Путин на встрече с единороссами поддержал идею главы МИД Сергея Лаврова учредить в России День поисковика.

Владимир Путин: Историческая память важна для нас и наших детей // Сайт партии «Единая Россия». 22.08.2021 // <https://er.ru/activity/news/vladimir-putin-istoricheskaya-pamyat-vazhna-dlya-nas-i-nashih-detej>

Международный проект «Бессмертный полк» стал феноменом современности. Так охарактеризовал его Президент Владимир Путин во время встречи с представителями «Единой России» по обсуждению народной программы партии, которая прошла на площадке Музея Победы на Поклонной горе в Москве.

«Но это не полк, это только название. Это человеческая река, река памяти, гордости, благодарности нашим предкам за то, что они для нас сделали. И надежды на лучшее будущее. И чтобы эта надежда была реализована, нужно, чтобы будущий состав Государственной Думы, ее ядро - «Единая Россия» - эффективно работали», - сказал глава государства.

Владимир Путин: «Мы должны помнить, для того чтобы ужас нацизма, трагедия войны больше никогда не повторялись» // Информационный портал о дружбе народов «Все мы – Россия!». 02.09.2020. <https://www.samddn.ru/novosti/novosti/vladimir-putin-my-dolzhen-pomnit-dlya-togo-chtoby-uzhas-natsizma-tragediya-voyny-bolshe-nikогда-ne-p/>

1 сентября 2020 года Президент России Владимир Путин в режиме видеоконференции принял участие во Всероссийском открытом уроке «Помнить – значит знать».

Открытый онлайн-урок проводится для школьников старших классов всех образовательных организаций России и в этом году посвящён 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году памяти и славы.

Открытый онлайн-урок проводится для школьников старших классов всех образовательных организаций России и в этом году посвящён 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и Году памяти и славы.

На связь с Президентом России вышли учащиеся школ Крыма, Карелии, Чувашии, Краснодарского и Камчатского краёв, Новосибирской, Курской, Калининградской, Московской, Новгородской, Липецкой, Рязанской, Владимирской, Кировской, Кемеровской областей и Москвы. Наряду со школьниками в онлайн-уроке приняли участие курсанты довузовских учебных заведений Минобороны: Тверского суворовского военного училища, Президентских кадетских училищ в городах Кемерово и Петрозаводске, филиала Нахимовского военно-морского училища в Калининграде. В целом более 5 миллионов школьников из 40 000 образовательных учреждений в формате видеоконференции обсудили с Президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным тему сохранения исторической памяти, а также рассказали лидеру страны о своих инициативах и задали интересующие вопросы.

Урок провели учитель истории и обществознания, лауреат Всероссийского конкурса «Учитель года России – 2019» Виктория Скрипникова и телеведущая, журналист, сопредседатель Российского движения школьников Яна Чурикова.

Обращаясь к ребятам – участникам онлайн-урока, ведущие подчеркнули: «Сегодня мы поговорим с вами об очень страшной теме, страшной истории XX века – Великой Отечественной войне. Войне, которая коснулась не только всего взрослого населения нашей страны, но и непосредственно затронула и ваших ровесников. Им было столько же лет, сколько вам». И обозначили главный вопрос – «Как не сделать эту историю «бронзовой» и отстранённой, а сделать так, чтобы она сохранялась живой, жила в наших умах и, что самое важное, в наших сердцах?».

Президент России Владимир Путин стал специальным гостем открытого урока «Помнить – значит знать». Он поздравил всех жителей страны с Днем знаний и началом учебного года и сказал: «Каким бы быстрым ни был темп изменений, есть вещи, которые останутся фундаментальными, незыблемыми. И уверен, будут для вас прочной моральной основой, надёжным ориентиром, который всегда поможет найти правильный путь в жизни».

«Что это? Это прежде всего наша история, - подчеркнул он, - история нашей страны, уважение к ней. Наша культура, давшая и нам, и всему человечеству плеяду блистательных имён, огромное количество шедевров. Наконец, наши традиции. И конечно, наша общая память, неразрывно связывающая нас с предками, со многими поколениями людей, наших родственников, которые жили, учились, создавали семьи, мечтали, так же как и вы сегодня, и созидали. Но и защищали всё это. А всё это и есть наше Отечество».

Обращаясь к юным россиянам, Владимир Путин сказал: «В этом году мы отмечаем 75 лет Победы в Великой Отечественной войне, Великой Победы. Вы совсем ещё молодые и юные люди, но, уверен, для вас Великая Отечественная война, победа в ней – это не просто страницы в учебнике, а важная часть не только нашей общей истории, истории страны, но и семейной истории.

Это рассказы ваших бабушек и дедушек о себе, об их родственниках, об их родителях, об их бабушках и дедушках. Бережно хранимые в родном доме письма, фотографии, награды, во многих семьях это до сих пор сохраняется.

Самые близкие и любимые герои есть почти в каждой семье, и почти в каждом российском городе, селе, населённом пункте есть воинские мемориалы, к которым идут люди, чтобы поклониться, отдать дань уважения тем, кто героически сражался за Родину».

«Неотъемлемая составляющая нашего национального кода, то, без чего невозможно представить живущего в нашей стране человека, - подчеркнул Президент, – это пронзительные книги о войне, стихи, авторами многих из которых были как раз фронтовики, фильмы о Великой Отечественной, берущие за живое, за сердце прямо, песни, которые всегда звучат по зову души, и, думаю, вам они тоже знакомы».

Говоря о важности сохранения исторической памяти, Владимир Путин сказал: «Мы все чтим наших героев, восхищаемся ими, преклоняемся перед их мужеством и стойкостью, и чем больше мы узнаём, тем глубже понимаем: нет испытания сложнее и трагичнее, чем война. Она пытается отнять будущее, обрывает мечты и ломает судьбы, не щадит никого.

На фронт или же в партизанские отряды уходили тогда почти ровесники сегодняшних старшеклассников. Многие из них просто приписывали себе несколько лет, чтобы скорее включиться в борьбу с врагом. Подростки, даже дети безо всяких скидок на возраст работали на эвакуированных в тыл заводах, фабриках, потому что знали: кроме них и их матерей, к станку встать просто некому было. Часть своего заработка при этом работавшие в тылу подростки перечисляли на нужды оборонного производства, на нужды фронта. Именно так появились танковые колонны, самолёты, целые эскадрильи, названные в их честь. Например, «Саратовский школьник», «Пермский пионер», «Комсомолец Татарии». В тылу, как и на фронте, люди проявляли настоящий героизм, и поэтому с этого года у нас существует почётное звание «Город трудовой доблести». Его уже удостоены 20 городов.

Ваши ровесники в годы войны самоотверженно помогли своей стране, наравне со взрослыми защищали Родину. Перед лицом чудовищной нацистской угрозы в единый строй встал тогда весь наш народ: и на фронте, и в тылу. Победа была действительно общей. И этот священный всенародный подвиг никогда не должен быть забыт».

Уроки истории важны для понимания прошлого и уверенного движения нашей страны в будущее. И поэтому, обращаясь к участникам видеоконференции, глава государства особо отметил: «Мы с вами должны понимать, чувствовать, что происходит сегодня. Вы знаете, иногда может показаться, что вообще это уже не так важно, ведь это было так давно, 75 лет назад, это вообще никак не связано с сегодняшней жизнью, это даже, может быть, уже не интересно. Уверяю вас, это абсолютно не так. Почему? Потому что после Второй мировой войны был создан тот миропорядок, те правила, по которым и в рамках которых мы живём сегодня. И кому-то после окончания «холодной войны» (а после горячей Второй мировой, очень жестокой войны, к сожалению, началась и «холодная война» – противоборство между разными странами), кому-то показалось, что после «холодной войны» они оказались победителями, они считают себя исключительными, полагают, что можно и нужно поменять порядок, возникший после Второй мировой войны. Поэтому, для того чтобы создать условия для этих перемен, нужно немножко переделать, переписать то, что было в истории на самом деле. Тех людей, которые во время войны сотрудничают с врагом, их, как известно (Виктория Борисовна как преподаватель истории знает), называют и называли всегда и везде коллаборационистами. Тех, кто сегодня соглашается с инициаторами переписи истории, вполне можно назвать коллаборационистами сегодняшнего дня. Такие люди есть всегда, везде, были и будут. У них разные мотивы, сейчас не будем вдаваться в эти детали. Важно только понимать, что это очень актуально сегодня».

«Мы обязаны знать и помнить людей, отстоявших мир и свободу на нашей земле, помнить события страшных военных лет, - подчеркнул Владимир Путин. - Это наш долг перед павшими, перед семейной историей и наша обязанность перед нынешними и будущими поколениями. Мы должны помнить, для того чтобы ужас нацизма, трагедия войны больше никогда не повторялись».

Говоря о том, какие беды принесла Великая Отечественная война, глава российского государства обратился к ребятам: «А вы знаете, в чём дело? Дело в том, что ведь целью нацистов было не просто освобождение территории нашей страны, не порабощение народов России и тогда Советского Союза, как они это делали в Европе, а уничтожение народов Российской Федерации и народов других республик Советского Союза.

Ведь что предполагалось (и они это делали)? Часть наших народов должна была быть уничтожена в концлагерях, в газовых камерах, часть использована в качестве рабов на принудительных работах. А часть, которая не нужна была, по их понятиям, предполагалось сослать за Урал, в Восточную Сибирь, практически на вымирание. Вот в чём была цель наших противников, наших врагов. Это совсем другая история, чем их цели при захвате территорий в Западной Европе».

Подчеркивая значение Победы в Великой Отечественной войне для всех нынешних поколений, Владимир Путин сказал: «Если бы мы, как думают сегодня некоторые, сдавали наши города, населённые пункты без боя, сохраняя вроде бы жизни наших бойцов, то в конечном итоге мы проиграли бы эту войну, и это привело бы к тотальному уничтожению практически всех народов бывшего Советского Союза и сегодняшней Российской Федерации. Вот цена и ценность Победы, которую добыли наши с вами предки».

«Я искренне верю, что вам, вашим родственникам никогда не придётся столкнуться со столь тяжёлыми испытаниями, и в этом вижу задачу лидеров государств, ответственных политиков, общественных деятелей, всех, кто осознаёт, насколько хрупок современный мир, - отметил Президент. - Повторю: верю, что вам не придётся пережить подобное никогда. Ведь тогда ожесточение было очень страшным с обеих сторон. Я уже говорил про планы нацистов и их реальные действия, но и с другой стороны тоже. Скажем, бессмысленное в известной степени уничтожение – бомбардировка немецкого Дрездена, город был уничтожен тотально, без всякого военного смысла. То же самое можно сказать и об атомных бомбардировках японских городов Хиросимы и Нагасаки, где было применено ядерное оружие, атомное оружие против неядерного государства».

«Я абсолютно убеждён, - обратился он ко всем участникам урока, - что самоотверженность, любовь к Родине, такое же честное стремление быть полезными своей стране есть и у сегодняшних поколений молодых людей, так же как это было у тех, кто завоевал нам Победу, как есть возможности для того, чтобы эти лучшие качества проявить сегодня.

Молодые люди, практически ваши ровесники, вернувшиеся с фронтов Великой Отечественной войны тогда, фактически набрасывались, жадно набрасывались на знания, на учёбу, старались как можно скорее наверстать упущенное. Они понимали, какую ценность представляют собой знания, в том числе благодаря этому страна не только восстановила экономику, но и достигла, совершенно очевидно достигла лидирующих позиций в мире по самым разным направлениям.

Многие наши выдающиеся учёные, такие как нобелевские лауреаты Александр Прохоров, Николай Басов, например, в 20 с небольшим лет сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Совсем ещё молодые исследователи, в их числе Игорь Курчатов, Анатолий Александров, ковали победу в тылу, решали насущные фронтовые задачи, закладывали основы будущего ракетно-ядерного щита нашего государства, чтобы на долгие годы вперёд, до сегодняшнего дня обеспечить его безопасность. Сегодня именами наших выдающихся учёных, внёсших свой вклад в Победу и на фронте, и в тылу и после этого продолжавших научные исследования, названо более 100 научно-исследовательских институтов».

Подчеркивая важность учебы и обретения новых знаний, Владимир Путин сказал: «Сейчас, сегодня ценность знаний так же высока. Именно они становятся основным ресурсом развития той сферы, где идёт международная глобальная конкуренция. Чем острее конкуренция за знания и между людьми, и между государствами, тем сложнее,

но тем интереснее будет вам учиться, я в этом абсолютно уверен, не сомневаюсь, и тем больше зависит, кстати говоря, от вас самих, лично от вас. Перед вами сейчас открыты все пути, все ресурсы, резервы современного образования».

«Хочу пожелать вам, чтобы вы при поддержке ваших наставников нашли, осознали в себе свои способности, которые, вне всякого сомнения, есть у каждого из вас, у каждого есть свои способности. Хочу пожелать вам, чтобы вы нашли свои сильные стороны, то, на чём потом вы уже сами, своими руками, своей головой построите успех своей дальнейшей жизни. Мы стремимся сделать всё, чтобы у вас были для этого все возможности. Но, повторю, только от вас, от вашего трудолюбия, настойчивости зависит, чтобы эти возможности стали вашими будущими достижениями и в профессии, и в карьере, и в спорте, и в науке. А ваш успех – это, безусловно, я много раз уже об этом говорил, в конечном итоге успех всей нашей страны», - отметил Президент. И добавил: «И пусть новый учебный год будет полон для вас новых открытий. Удачи вам!»

Владимир Путин: память о войне должна оставаться чистой и объединять наше общество
// Вести. Россия-1. 12 декабря 2018 // <https://www.vesti.ru/article/1462529>)

О противодействии искажениям истории, когда фашистские пособники вдруг превращаются в освободителей, сегодня говорили в Москве. В Кремле прошло заседание оргкомитета "Победа", посвященное тому, как в 2020 году страна будет праздновать 75-летие победы в Великой Отечественной войне.

Бережь память о наших предках, которые спасли не только Отечество, но и будущее Европы и всего мира — в этом президент видит главную задачу оргкомитета "Победа". И в преддверии юбилея особенно важно — позаботиться о ветеранах.

"Все обязательства со стороны государства должны четко, неукоснительно выполняться. А власти на местах обязаны знать нужды каждого человека, каждого ветерана. И решать эти проблемы в приоритетном порядке. На федеральном уровне предлагается рассмотреть возможность ежегодно в преддверие дня Победы оказывать единовременную материальную помощь участникам Великой Отечественной войны. Напомню, ранее такая поддержка оказывалась лишь к юбилейным датам", — отметил Владимир Путин.

Государство обеспечивает ветеранам медицинское обслуживание, строит жилье, повышает пенсии. Вырастет сумма ежемесячных выплат и в предъюбилейный год. "Такой размер обеспечения в 2019 году составит 44 тысячи рублей для участников ВОВ. При этом, я хотела обратить внимание, что и далее увеличение пенсии будет производиться выше инфляции. И увеличение единовременной денежной выплаты в соответствии с фактической инфляцией", — сообщила Татьяна Голикова, заместитель председателя правительства РФ.

А ко Дню Победы ветераны также получают и единовременную выплату в размере около 10 тысяч рублей. Огромная роль в деле сохранения памяти о той войне принадлежит музеям. В мае 2020 года главной площадкой юбилейных торжеств станет музей Победы на Поклонной горе. К этому времени он наконец-то обретет своё фондохранилище, которого до сих пор у главного военно-исторического музея России не было.

Завершена комплексная реконструкция Малахова Кургана, посвященного двум оборонам Севастополя. Завершится ремонт монумента Родина-Мать в Волгограде.

Президент рекомендует руководителям музеев активнее поддерживать такие инициативы — ради нашей общей истории. "Чем больше людей напрямую участвуют в ее сохранении, тем она крепче. Это вне всяких сомнений. И тем меньше шансов у тех, кто желает ее оболгать или переименовать", — уверен Владимир Путин.

Память о той, самой страшной в истории человечества, войне должна оставаться чистой и объединять наше общество, отмечает Путин. "К подготовке всех мероприятий нужно подходить ответственно, творчески и, конечно, искренне. Недопустимо, чтобы в День Победы, саму историю Великой Отечественной сопровождали акции под отчет, связанные с какими-то формальными вопросами. Святые для людей символы следует оградить от формализма и пошлости", — заявил Владимир Путин.

В этом году на большие экраны вышли сразу несколько фильмов военной тематики: грядет премьера — "Т-34". А, по мнению главы Минкульта, к юбилейной дате очень важно было бы снять и фильм-напоминание о Нюрнбергском процессе. "Тема эта сейчас исторически полностью приватизирована США. Во многих фильмах, во многих произведениях американцы пишут о Нюрнберге, как о своей большой победе. Роль Советского Союза там фактически сводится на нет. Я бы попросил, Владимир Владимирович, вашего поручения Минфину отдельно рассмотреть этот проект", — заявил Владимир Мединский, министр культуры РФ.

Ну, и конечно, в юбилейный день Победы состоятся праздничные салюты в Москве, в городах-героях, а так же парады с привлечением войск в городах воинской славы.

В подготовке и праздновании 75-летия Победы самое активное участие смогут принять и российские регионы. Прежде всего, это поддержка ветеранов Великой Отечественной — на местах, где своих земляков-героев знают поименно, эту работу организовать легче. А еще патриотическая подготовка молодежи — некоммерческих и добровольческих организаций, которые занимаются поиском павших бойцов и восстановлением памятников.

О сохранении исторической памяти говорил президент на встрече с новым составом Общественной палаты РФ // Новости. Первый канал. 28 июня 2020 // https://www.1tv.ru/news/2020-06-28/388460-o_sohranenii_istoricheskoy_pamyati_govoril_prezident_na_vstreche_s_novym_sostavom_obschestvennoy_palaty_rf

Как отметил Владимир Путин, выступая на Параде, именно советский народ сокрушил нацизм. Наша задача — сделать все, чтобы память об этом не померкла. К этой теме президент вернулся и во время встречи с новым — седьмым — составом Общественной палаты.

Владимир Путин:

Что, они не знают, что не Советский Союз напал на фашистскую Германию, а фашистская Германия напала 22 июня 1941 года на Советский Союз? Что, это неизвестно, что ли? Все все знают.

Они разве не знают, кто добывал фашистскую гадину в ее логове, кто штурмом брал Берлин? Знают, конечно, но в учебниках не пишут. Что, неизвестно, кто наносил ядерные удары по Хиросиме и Нагасаки? Известно. Но в учебниках в Японии что пишут: союзники. Какие союзники? У союзников не было никакого ядерного оружия, оно было только у Соединенных Штатов.

Сейчас это забывают, вымывают, потому что это не нравится, потому что хотят выстроить сегодняшние отношения в своих собственных интересах. Ничему не учатся, к сожалению, и нет желания выстраивать систему международной безопасности в интересах всего мира и с учетом интересов всех участников международной деятельности.

Но мы с вами должны, зная это, добиваться правды о Второй мировой войне, чтобы сегодня выстроить нашу политику таким образом, чтобы она обеспечила интересы Российского государства, ну и, конечно, чтобы никто не посмел марать память о наших героях.

Путин назвал священной память о Великой Отечественной войне // РБК. 22 июня 2020 г.
<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ef063369a79478274c786a7>)

Испытания Великой Отечественной войны показали силу и стойкость русского народа, память о них священна и помогает служить своей родине. Об этом заявил президент России Владимир Путин во время посещения главного храма Вооруженных сил в парке «Патриот» подмосковной Кубинки. Стенограмма выступления опубликована на сайте Кремля.

«Для нас, граждан России, память о Великой Отечественной войне, обо всех, кто сражался и погибал, кто всеми силами приближал победу, абсолютно священна. Она всегда с нами. Она дает нам силы, силу служить нашей стране», — сказал президент.

Он указал, что память об испытаниях военного времени также помогает служить «нравственным заветам», от которых Россия «не имеет права отступить» и никогда не отступит.

Ранее Путин опубликовал в журнале The National Interest статью, в которой заявил, что Вторая мировая не началась «внезапно» и «неожиданно». По мнению российского лидера, ее предопределили государственный эгоизм, трусость и нежелание политических элит искать компромисс.

О своих планах написать статью о Второй мировой войне Путин заявил на большой пресс-конференции в декабре 2019 года, когда отвечал на вопрос о резолюции Европарламента по случаю годовщины начала этого события.

Путин объяснил разницу между эгоизмом и защитой национальных интересов // РБК.
21.06.2020. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5eef66ba9a79472ffda67c70?>

Между эгоизмом и защитой национальных интересов — «огромное расстояние», заявил Владимир Путин в интервью для программы «Россия. Кремль. Путин» на телеканале «Россия 1».

«Эгоизм — это сосредоточение только на себе», — сказал Путин. Защита национальных интересов предполагает в том числе поиск взаимоприемлемых решений с партнерами, пояснил он.

По словам президента, в истории России «был период», когда страна «не смела заявить о своих национальных интересах». В том, что она начала это делать в начале 2000-х годов, нет «ничего необычного», добавил Путин.

Президент отметил, что «привилегия бороться за свои интересы есть «далеко не у всех стран».

Согласно принятой в 2016 году концепции внешней политики, Россия для достижения национальных интересов должна обеспечивать свой суверенитет и безопасность, создавать благоприятные внешние условия для устойчивого экономического роста, упрочить позиции как влиятельный международный центр, формировать добрососедские отношения с другими странами, защищать права соотечественников за рубежом, среди прочего.

18 июня Путин опубликовал статью в журнале The National Interest, в которой говорилось, что среди главных факторов, которые привели ко Второй мировой войне, были государственный эгоизм, а также нежелание политических элит искать компромисс.

Путин высказался об исторической памяти и Великой Победе // Пятый канал. 10.03.2020.
<https://www.5-tv.ru/news/287536/putin-vyskazalsa-obistoriceskoj-pamati-ivelikoj-pobede/>

Опубликована десятая серия проекта информационного агентства ТАСС «20 вопросов Владимиру Путину».

В очередной серии проекта ТАСС «20 вопросов Владимиру Путину» говорится об исторической памяти и Великой Победе. Президент подчеркивает: «гостей на праздник ждем, но ехать или нет, — пусть останется выбором каждого отдельного государства». Речь заходит и о попытках переписать историю. Почему победу у нас хотят отнять, а учебники переписать? Путин заявляет: «тот, кто это делает, сравнивает Сталина и Гитлера — люди недалекие. Достаточно поднять архивные материалы и посмотреть, кто и какие документы подписывал с фашистами».

«Кстати говоря, Сталин, как бы к нему ни относиться, он тиран там и так далее, но он не запянул себя прямыми контактами с Гитлером, и нет ни одной подписи Сталин — Гитлер. А вот Гитлер и премьер-министр Великобритании, Гитлер и премьер-министр Франции — есть. Гитлер и руководитель Польши — есть. И они с ним работали, с Гитлером, неоднократно встречались, сдали Чехословакию», — напомнил президент РФ.

В апреле в Госархиве откроется очередная выставка, где будет представлена переписка Сталина, Черчилля и Рузвельта. Рассекречивать и показывать такие документы необходимо, отметил Владимир Путин. Так же, как спустя годы, важно не бояться признавать свои ошибки. Главное, чтобы война никогда не повторилась, и Россия делает все для поддержания мира.

Путин назвал чушью слова Зеленского об освобождении Освенцима украинцами // Пятый канал. 20.03.2020. <https://www.5-tv.ru/news/287519/putin-nazval-cusu-slova-zelenskogo-obosvobozdenii-osvencima-ukraincami/>

В рамках интервью для агентства ТАСС президент России заявил, что подобные утверждения — это «плевок в лицо» гражданам Украины, воевавшим против нацизма.

Президент России Владимир Путин отреагировал на высказывание главы Украины Владимира Зеленского о том, что концлагерь Освенцим в Польше освобождали одни украинцы.

Российский лидер заявил, что подобные заявления — это чушь и «конъюнктура сегодняшнего дня».

«Нынешнему президенту Украины хочется быть таким благообразным для действующего сегодня руководства Польши, которое совершает, на мой взгляд, очень большую ошибку», — сказал глава государства в интервью ТАСС для проекта «20 вопросов Владимиру Путину».

Российский лидер уверен, что подобные высказывания со стороны украинского президента это «плевок в лицо» воевавшим против нацизма украинцам. По его мнению, граждане Украины очень остро реагируют на такие заявления.

«Боятся просто рот раскрыть, потому что сразу преследование начнется. Я знаю, что там происходит, в сердцах у людей», — рассказал Путин.

А.И. Миллер. Политика исторической Памяти: оценка проблемы, стратегии подхода // Газета «Протестант». <http://www.gazetaprotestant.ru/2018/02/politika-istoricheskoy-pamyati-ocenka-problemy-strategii-podxoda/>

Вся историческая идентичность держится на памяти о Великой отечественной войне. Это недопустимо мало и несправедливо. У России трудная, но великая история, полная крупных достижений, блистательных побед и масштабных трагедий. Их нужно вернуть в сознание людей, чтобы они ощущали себя ответственными наследниками прежних поколений.

Великая Отечественная война — стержень исторической памяти XX века. Через привязку к нему следует подтягивать «выкинутые» при советской власти темы, например, Первую мировую войну (Вторую Отечественную Войну). Упор на героизм, самопожертвование, патриотизм. До конца избавиться от советской формулы, согласно которой Победа 1945 г. оправдывает преступления коммунистического режима в меж-военный период.

Историческая память как фактор мира // РСМД <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/istoricheskaya-pamyat-kak-faktor-mira/>

Локальные вооруженные столкновения, к сожалению, вспыхивают то тут, то там, унося человеческие жизни, сея разруху и вражду. Но то, что почти три четверти века земной шар не сотрясает большая война, — бесспорная заслуга живущих в мире народов и их руководителей.

То, что прочный мир не приходит сам собой, понимали не только философы и не только во времена И. Канта. Сегодня еще живы свидетели массового движения в защиту мира, охватившего после начала холодной войны десятки стран, включая Соединенные Штаты, Советский Союз, Германию, Францию и др. И это не было случайным. Миллионы людей тогда еще помнили ужасы военного времени. И возможная новая мировая война вызывала у них тем больший страх, что они догадывались: если она разразится, то это будет ядерная война, которая повлечет за собой уничтожение человечества. Думаю, эта массовая историческая память стала одним из важнейших факторов предотвращения новой мировой бойни. Историческая память – это мост между прошлым и настоящим.

Лариса Смирнова: Вторая мировая война и смена поколений: травма, миф и память

Память — это мысленное воспроизведение опыта прошлого, символическая реконструкция прошлого в настоящем, трансляция ценностей и смыслов от поколения к поколению. Связывая прошлый опыт людей с их настоящим, память позволяет повторно использовать этот опыт в текущей деятельности и в планировании будущего.

Это в полной мере относится и к тому, что называют «исторической памятью» — индивидуальной и коллективной, национальной и общечеловеческой. Памятью о событиях далекого и недавнего прошлого, определивших ход личной, национальной и всемирной истории, а в чем-то и повлиявших на судьбу человечества. Памятью о деяниях, не только убеждающих в мудрости homo sapiens, но и свидетельствующих о его глупости и недальновидности.

Трагические события военных лет навсегда врезались в память тех, кто с оружием в руках прошел Великую Отечественную и Вторую мировую войны. Но память о военном времени с его горем и лишениями всю жизнь сопровождала и миллионы людей, трудившихся в тылу и жадно ждавших вестей с фронта. Сохранили память о войне женщины и мужчины, чье сознательное детство пришлось (как у автора этой статьи) на первую половину 1940-х годов. Никто из этих людей («реваншисты» не в счет) не хотел новой мировой войны. Ни немцы, ни французы, ни поляки, ни американцы... Тем более не хотели ее советские люди. И все повторяли как заклинание: «Лишь бы не было войны». Этот психологический настрой, продиктованный исторической памятью, тоже стал важным фактором предотвращения третьей мировой войны.

Думаю, не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что на протяжении нескольких послевоенных десятилетий у руля таких стран, как СССР, США, Франция и ряда других стояли политики, не понаслышке знавшие, что такое война: Никита Хрущев, Леонид Брежнев, Дуайт Эйзенхауер, Джон Кеннеди, Шарль де Голль. Кто знает, не сыграла ли личная память руководителей Советского Союза и Соединенных Штатов о войне сдерживающую роль в тот момент, когда в разгар Карибского кризиса генерал-лейтенант Н. Хрущев и лейтенант Дж. Кеннеди, казалось, были готовы пересечь «красную черту»?

У нынешних руководителей государств, входящих в ядерный клуб, нет памяти о мировой войне, порожденной личным опытом. Нет такой памяти и у окружающих их военных. Нет ее и у большинства ныне живущих людей. И здесь на помощь должна прийти общечеловеческая и национальная историческая память.

Встревоженную общественность порой успокаивают: это, мол, малочисленные, стихийно складывающиеся группы, влияние их невелико и относиться к ним всерьез не

стоит. Опасная недалёковидность (если не преступная ложь)! История напоминает: если вставших под фашистские знамена людей не остановить сразу, то в кризисных ситуациях они способны, получив поддержку праворадикальной части властной элиты и массы недовольных, отчаявшихся рядовых граждан, начать размножаться как микробы и быстро превратиться во влиятельную политическую силу со всеми вытекающими отсюда роковыми последствиями.

Нельзя забывать об опасности национализма и шовинизма. В последние годы они все активнее проявляют себя в разных уголках мира и порождаются — среди прочих причин — попытками одних народов навязать другим (в том числе с помощью силы) свои жизненные ценности и идеалы, что не может не вызывать у них ответной реакции — подчас весьма жесткой.

Беречь память о победах

Историческая память способна не только предостерегать. Она может вдохновлять, вселять уверенность в победе сил мира, убеждать в том, что кажущееся маловероятным может, если постараться, стать возможным.

Войны очеловечивают войны

Историческая память не передается по наследству. Значит, ее надо целенаправленно поддерживать, используя такие средства, как обучение, воспитание, приобщение новых поколений к прошлому в той или иной форме.

А историческая память народа задевает отдельного человека тем острее, чем больше она привязана к его личной памяти, личному опыту. Вот почему прошедшая в день 70-летия Победы акция «Бессмертный полк», когда тысячи и тысячи людей несли в общих колоннах портреты близких, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной, была находкой не только гениальной, но и поучительной.

И еще одна важная вещь. Мы обязаны оберегать от фальсификации реальные факты прошлого, на которых покоится историческая память. Это задача тем более актуальная, что попытки подвергнуть необоснованной ревизии историю Второй мировой и Великой Отечественной войн, извратив ее в угоду чьим-то политическим интересам, у нас перед глазами. Недопущение такой ревизии — еще одно из объективных условий предотвращения новой большой войны.